
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБРАЗОВАНИИ

УДК 316.344.34:378.2

DOI:10.17853/1994-5639-2021-8-147-188

ДИНАМИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ СТУДЕНЧЕСТВА ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Д. Ю. Нархов¹, Е. Н. Нархова², Д. В. Шкурин³

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия.*

E-mail: ¹d_narkhov@mail.ru, ²e_narkhova@mail.ru, ³vortexinform@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Актуальность исследования обусловлена обострением комплекса проблем студенчества, вызванных резким ускорением цифровизации и разрушением устоявшегося комплекса социальных взаимодействий под воздействием пандемии COVID-19 как внутри студенческой общности, так и между студенчеством и другими образовательными общностями. Фиксация качественных изменений образовательной активности в нестандартных условиях наряду с разработкой теоретического обоснования цифровой образовательной общности студентов необходима для принятия квалифицированных управленческих решений.

Цель исследования заключалась в выявлении факторов и динамики студенчества как цифровой образовательной общности в условиях самоизоляции и онлайн-обучения.

Методология, методы и методики исследования. Исследование построено на использовании специальных подходов к отраслевому социологическому знанию (молодежи и образования): общностного, системного, структурно-функционального, институционального, темпорального, тезаурусного, сетевого, панорамного (педагогической науки) и опирается на результаты массового анкетирования студентов (N = 1825, 19 вузов Свердловской области) по авторской методике. Смешанный опрос проведен по репрезентативной квотно-целевой выборке с применением традиционной и электронной форм, реализованной на CAWI-платформе. Обработка данных осуществлялась с помощью пакета прикладных программ VORTEX. Верификация данных осуществлялась с привлечением материалов вторичного анализа данных VII этапа регионального опроса студенчества в 2016 г.

Результаты. В ходе исследования уточнены общностнообразующие признаки традиционного, виртуального и цифрового студенчества. Зафиксирован переход от традиционной к цифровой общности. Определены ключевые термины образовательной общности студентов в цифровую эпоху. Выделены и изучены индикаторы образовательной актив-

ности: влияние режима самоизоляции на образовательную активность; особенности онлайн-образования; динамика бюджета образовательного времени; самооценка знаний, полученных в онлайн-формате. Исследованы факторы, детерминирующие образовательную активность: мотивация, источники информации, материально-техническое обеспечение и организационно-технологическое сопровождение. На основании эмпирических материалов вскрыты качественные изменения в значимости цифровой информации и цифрового материально-технологического обеспечения для успешной учебы. Показана недостаточная цифровая компетентность студенчества, выявлены позитивные и негативные аспекты онлайн-образования, в том числе и под воздействием физических и психологических изменений, связанных с режимом полной самоизоляции. Обоснована основная причина желания студентов продолжать образование в традиционной или смешанной форме – снижение качества образования в силу обострения противоречия между классической университетской и «обыденной цифровой» образовательной культурой.

Научная новизна заключается в разработке концепции цифровой образовательной общности студенчества, конкретизации ее общностнообразующих признаков, уточнении терминологического ряда цифровой общности и образовательной активности студенчества, получении и систематизации новой эмпирической информации о состоянии студенчества Свердловской области – одного из крупнейших научно-образовательных регионов РФ.

Практическая значимость. Полученные материалы дают основания для уточнения процесса и результатов цифровизации образовательного пространства, оценки состояния студенческой общности в экстраординарных условиях самоизоляции и опыта обучения в режиме «полного онлайн». Разработанный инструментарий может быть использован для дальнейшего мониторингового изучения студенчества. Полученные количественные данные возможно применить при коррекции образовательных процессов в цифровых и смешанных форматах, а также для научного обоснования управленческих решений.

Ключевые слова: образовательная активность, образовательное время, образовательная общность, цифровая общность, студенчество, цифровые навыки, онлайн образование, пандемия COVID-19.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 20-011-31274 «Социальная активность студенчества Среднего Урала в условиях транзита к цифровой общности». Авторы благодарят магистрантов Е. С. Кириллова, Л. В. Мишина и С. А. Ярутину за помощь в сборе материалов полевого этапа.

Для цитирования: Нархов Д. Ю., Нархова Е. Н., Шкурин Д. В. Динамика образовательной активности студенчества под воздействием цифровизации // Образование и наука. 2021. Т. 23, № 8. С. 147–188. DOI:10.17853/1994-5639-2021-8-147-188

DYNAMICS OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS UNDER THE INFLUENCE OF DIGITALISATION

D. Yu. Narkhov¹, E. N. Narkhova², D. V. Shkurin³

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Ekaterinburg, Russia.

E-mail: ¹d_narkhov@mail.ru, ²e_narkhova@mail.ru, ³vortexinform@gmail.com

Abstract. Introduction. The relevance of the study is due to the aggravation of the complex of student problems caused by the sharp acceleration of digitalisation and the destruction of the established complex of social interactions under the influence of the COVID-19 pandemic, both within the student community, and between the student body and other educational communities. The fixation of qualitative changes in educational activity in non-standard conditions, along with the development of a theoretical basis for the digital educational community of students, is necessary for making qualified managerial decisions.

The *aim* of the present research was to identify the factors and dynamics of students as a digital educational community in the context of self-isolation and online learning.

Methodology and research methods. This study is based on the use of specific approaches to industry-specific sociological knowledge (youth and education): community, system, structural-functional, institutional, temporal, thesaurus, network, panoramic (pedagogical science). The current research employs the results of a mass survey conducted among students (N = 1825, 19 universities of the Sverdlovsk region) according to the authors' method. A mixed survey was carried out through a representative quota-target sample using traditional and electronic forms, implemented on the CAWI (Computer Assisted Web Interview) platform. Data processing was implemented using the VORTEX application package. Data verification was carried out using materials from the secondary data analysis of the VII stage of the regional student survey in 2016.

Results. In the course of the study, the general forming characteristics of traditional, virtual and digital educational communities of students were clarified. The transition from traditional to digital community has been fixed. The key terms of the educational community of students in the digital age were defined. The indicators of educational activity were identified and investigated: effect of self-isolation regime on educational activity, features of online education, dynamics of the educational time budget, self-assessment of knowledge gained online, etc. The factors that determine educational activity were examined: motivation, sources of information, material and technical support, and organisational and technological consulting. On the basis of empirical materials, qualitative changes in the importance of digital information and digital material and technological support for successful studying were revealed. Insufficient digital competence of students is shown. Positive and negative aspects of online education were revealed, including under the influence of physical and psychological changes associated with the regime of complete self-isolation. The main reason for the desire of students to continue their education in a traditional or mixed form is substantiated – a decrease in the quality of education due to the exacerbation of the contradiction between the classical university and “everyday digital” educational culture.

Scientific novelty lies in the development of the concept of the digital educational community of students, concretisation of its general-forming characteristics, clarification of the terminological range of the digital community and the educational activity of students; obtaining and systematising new empirical information about the state of students in the Sverdlovsk region as a major scientific and educational region of the country.

Practical significance. The materials obtained provide grounds for clarifying the process and results of digitalisation of the educational space, assessing the state of the student community in extraordinary conditions of self-isolation and learning experience in a full online learning mode. Developed tools can be applied for further monitoring student learning. The obtained quantitative data can be used for the advancement of teaching and learning in digital and mixed formats, as well as for scientific substantiation of management decisions.

Keywords: educational activity, learning time, educational community, digital community, student community, digital skills, online education, COVID-19 pandemic.

Acknowledgements. The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) and the Expert Institute for Social Research (EISR), project number 20-011-31274 “Social Activity of Students of the Middle Ural in the Conditions of the Transition to Digital Community”. The authors are grateful to undergraduates E. S. Kirillov, L. V. Mishin, and S. A. Yarutina for their help in the field work procedures.

For citation: Narkhov D. Yu., Narkhova E. N., Shkurin D. V. Dynamics of educational activity of students under the influence of digitalisation. *The Education and Science Journal*. 2021; 23 (8): 147–188. DOI:10.17853/1994-5639-2021-8-147-188

Введение

Концепт «общества знания», сформированный во второй половине XX века ведущими западными социологами Д. Бэллом, М. Кастельсом [1], [2] и др., на протяжении нескольких десятилетий был и остается одной из основных моделей развития мирового социума, вариантом «общества постмодерна» (Р. Ингледардт [3] и др.). Его главный посыл строится на двух основаниях – ведущей роли центров науки и образования и массовом применении информационных технологий, рост научного знания и перемещение центра тяжести из экономики в сферу науки и культуры и, прежде всего – в научные организации (университеты). С. А. Беляков отмечает, что «... не капитал и материальные ресурсы выступают здесь ключевыми факторами, а информация, помноженная на знания и технологии» [4, с. 7]. Соответственно, результативность, качество функционирования социальных структур социума на уровне национальных государств оказалась зависимой от качества системы образования в совокупности с уровнем развития информационных технологий.

По мнению П. Штомпки, российское общество и его система образования, будучи включенными в глобальное общество, оказались включенными в процесс «догоняющей модернизации» [5, с. 528]. В работах Г. Е. Зборовского и исследовательского коллектива под руководством Д. Л. Константиновского подчеркивается, что для высшего образования этот процесс, осложненный последствиями социетальных трансформаций конца XX века и сопровождавших его кризисами, означал череду изменений, характеризующихся как перманентная многовекторная модернизация с неоднозначными последствиями в плане качества подготовки профессиональных кадров высшей квалификации [6], [7]. Для регионального вузовского студенчества построение Болонской системы высшей школы означало формирование комплекса социальных проблем. Среди них ведущее место занимают про-

блемы качественного воспроизводства студенческой общности, трансляции и интериоризации профессиональной, образовательной и иных форм общечеловеческой культуры в цифровых условиях, «поколенческой аритмии»; ситуации изменения межпоколенческих социокультурных коммуникаций, выхода в сферу активной социальной жизни цифрового поколения, изменения пространственных, темпоральных и содержательных границ социокультурного пространства образовательных общностей; ценностной энтропии (нереализованных в деятельности ценностных установок), ценностной маргинализации и студентов, и других образовательных общностей, обострившихся в результате разрыва социальных связей и самоизоляции; неоднозначности процесса и результата социализации студенчества на фоне перманентной многовекторной модернизации высшего образования; ситуация несоответствия целей и результатов (нелинейности) функционирования высшего образования как социального института [8], а потому и усиления проблемы короткого горизонта планирования и отложенного профессионального выбора студенчества в условиях растущей неопределенности и социальных рисков. Как результат – обостряется кризис профессиональной идентичности, попытки разрешить который связаны с выбором форм социальной активности, замещающих профессиональный выбор.

Одним из значительных последствий глобализационных изменений стала пандемия COVID-19, радикальным образом отразившаяся на мировой социальной жизни. Российское общество и его образовательная система также столкнулась с ситуацией, которую можно охарактеризовать как социогуманитарный кризис – кризис человека, общества и модели развития. Массовая вынужденная самоизоляция, помимо резкого усиления цифровизации социокультурного пространства, существенно обострила выделенный комплекс проблем студенческой общности.

«Галопирующая цифровизация» – одно из последствий глобализации и пандемии, существенным образом меняющее формы и технологии, а вслед за ними – содержание и смыслы социальной деятельности студенческой общности. Одной из существенных характеристик молодых людей, ставших студентами в период 2017–2020 гг., является принадлежность к поколению, сформировавшемуся в условиях взрывного развития информационных технологий (поколение Z – digital natives, поколение интернета, миллениалы, айдженеры). Это поколение, до сих пор изучавшееся в рамках социологии детства, живет в равной степени и в реальном, и цифровом социокультурном пространстве. «Цифровое студенчество» становится авангардом молодежи и наиболее активной частью «ключевого поколения», поскольку оно наряду с образованностью в значительной своей части обладает высоким уровнем мобильности, интеллектуальной активности, что выгодно отличает

его от других групп населения. Общностный подход к изучению студенчества предполагает его рассмотрение как образовательной общности, то есть совокупности людей, объединенных по признаку участия в образовательном процессе высшей школы в качестве обучающихся. Такое понимание основано на главном общностнообразующем признаке – процессе и результате освоения студентами образовательного знания. Вместе с тем социальная активность студенчества, в условиях российской действительности становясь элементом государственной молодежной политики, превращается и в одну из функций института высшего образования, выходящую за рамки профессиональной подготовки.

Цель исследования – выявление динамики образовательной активности студенчества на основе концепции цифровой образовательной общности для разработки механизмов корректного управления системой высшего образования на региональном уровне в условиях вынужденных ограничений, связанных с пандемией.

Основной гипотезой стало предположение о том, что процессы цифровизации высшего образования являются детерминантом трансформации содержания общностнообразующих признаков студенчества. Однако меняющиеся под их воздействием формы образовательной активности не согласуются с результативностью образовательного процесса.

Эмпирическая часть исследования ограничена масштабами Среднего Урала как научно-промышленного региона с высоким образовательным потенциалом, значительной численностью вузов и разнообразием направлений подготовки. Это позволяет изучать характерные проблемы и закономерности для студенческой общности в целом. Важным ограничением является и то, что выводы сделаны исходя из студенческих самооценок различных аспектов образовательной активности. Но репрезентативный для региона характер выборки позволяет получить надежные результаты.

Исследовательские задачи заключались в следующем:

- формулировка определения цифровой общности и выявление содержания общностнообразующих признаков в сравнении с традиционной и виртуальной общностями;
- выделение комплекса индикаторов образовательной активности, объективно отражающей ситуацию в самооценках студентов;
- фиксация ее динамики под воздействием процессов цифровизации в условиях пандемических ограничений по таким направлениям, как выбор вуза и профессии, значимость традиционной и цифровой информации и технологий для учебы, цифровых навыков и специфики онлайн-образования в пандемический период, результативность и перспективы продолжения образования с учетом опыта «всеобщего дистанта».

Обзор литературы

Студенчество является одной из наиболее исследованных общностей уже в силу его доступности социологам в качестве объекта исследований. Вместе с тем студенческая проблематика в различных отраслевых социологиях выражена не так четко, поскольку она является производной по отношению к основному объекту исследования. Его проблемы изучаются в рамках «деятельностной» социологии – профессий, науки, физической культуры и спорта, семьи и др.; «факторной» социологии – культуры, неопределенности и риска, экологии, девиаций, поколений и т. д., попадают в предметное поле других отраслевых социологий. На наш взгляд, более всего работ выполнено в рамках социологии молодежи и социологии образования. В мировой практике изучение молодежи ведется более в традициях поколенческого подхода, заложенных К. Мангеймом в середине прошлого века и обращенных к актуальным в XXI веке проблемам социального и политического протеста (S. Boulianne, Y. Theocharis [9]), межпоколенческих отношений (M. Albert и соавторы [10]), социальных деструкций (Ben Arnold Lohmeyer [11]) и проблем будущего молодежи (D. Woodman, S. Threadgold [12]). Особенность российской социологической школы заключается в том, что студенчество изучается не только как специфическая образовательная общность, но и как интеллектуальный авангард, лидер социальных инициатив молодежи. Это закономерно, поскольку возрастает роль высшего образования в системе образования и в процессах социализации молодежи. Концепция изучения молодежи в изменяющемся мире и новые теоретические подходы, предлагаемые ведущими авторами – В. И. Чупровым, Ю. А. Зубок, Т. К. Ростовской и другими [13], [14], – вполне отвечают и задачам исследования современного студенчества.

Социология образования сегодня становится одной из важнейших социологических отраслей. Студенты традиционно являются одной из самых доступных для исследования социальных групп, особенно для научно-педагогических работников вузов. В монографии по итогам VII этапа мониторинга студенчества Среднего Урала (2016 г.) [15, с. 25–95] с участием авторов было выполнено обобщение этих исследований за период с 1995 г.

Фундаментальный анализ состояния социологии высшей школы в мире и России представлен в монографии Г. Е. Зборовского и П. А. Амбаровой [16, с. 239–320]. Для американской социологической школы одним из важнейших направлений является изучение образовательного процесса, взаимодействия преподавателей и студентов и его результаты, которые, по мнению П. Гампорта и его коллег, определяют возможности к «улучшению жизни студентов и обеспечению жизнеспособности общества в целом»

[17], вопросы неравенства, проявляющиеся в доступности высшего образования как такового [18, с. 7], а также неравенствах по классовому, стратификационному, расовому, этническому, гендерному основаниям (В. Clark [19]), студенческой мобильности (М. Rabossi, А. Guaglianone [20]) и другие. Западноевропейские социологи сосредоточили исследования на социальных проблемах высшего образования, вопросах академической свободы (А. Traianou [21]), формах устройства академической среды (П. Бурдые [22]), академической успеваемости (L.-A. Vallet, М. Ichou [23]) и других, схожих с процессами российского высшего образования.

Публикации последних лет в ведущих российских социологических изданиях показывают, что интерес к традиционным и к актуализированным в последнее время проблемам студенческой жизни, как и значимость студенческого этапа социализации молодежи, возрастает. За 2016–2019 гг. появился ряд монографий и статей российских авторов, среди которых необходимо выделить работы М. К. Горшкова [24], Г. Е. Зборовского [25], Д. Л. Константиновского [7], В. Н. Стегния [26] и ряда других авторов, посвященные проблемам высшего образования: взаимодействие между образовательными общностями [27], социальная активность студенчества [28], образовательные и профессиональные стратегии [29], человеческий капитал студенческой общности [30] и другие.

Концепция изменяющейся реальности на стыке социологии молодежи и социологии образования может быть интерпретирована через теории постмодерна, модернизации образования, развития глобального информационного (цифрового) общества, общества знания, общества неопределенности и риска. В работах Ю. Р. Вишневого с соавторами освещение получили проблемы коммерциализации и интернационализации высшего образования, онлайн-преподавания, научной работы и инновационной деятельности студентов (см., напр., [31]). Социальная активность студенчества традиционно и на протяжении длительного периода (методология была разработана еще в 1962 г. В. Н. Шубкиным) исследовалась как образовательная деятельность, связанная с адаптацией, профессионализацией, как участие в общественно-политической жизни вуза и за его пределами (включая и протестные практики), досуговые практики (в том числе и девиантные формы) и активно продолжается отделом социологии Института социологии РАН (Д. Л. Константиновский с коллегами) [7].

Особого внимания заслуживают работы, в которых изучаются проблемы информационного общества, цифрового общества и виртуальной реальности. В работах социологов от футурологических характеристик «общества знания» наметился переход к описанию реально существующих структур, процессов, феноменов. Социализация молодежи в этом обществе все чаще

стала рассматриваться не как условие перспектив общественного развития, а как новая многоаспектная реальность цифрового общества (У. Норицугу) [32] и составляющих его общностей (М. Пенски, В. Н. Стегний) [33], [34]. Соответственно, появилось понятие «виртуальной общности» (Г. Е. Зборовский) [35, с. 290–299]. Начато изучение социальной активности при переходе из реального пространства в виртуальное, и наоборот [36].

Изучение регионального студенчества в условиях глобализации велось с использованием опыта исследований по проблемам высшего образования, образовательных общностей и молодежи в разных странах. В этой связи необходимо отметить повышение организационно-научной активности последних лет, проявившееся в деятельности профильных комитетов Международной (RC04 Sociology of Education; RC34 Sociology of Youth) и Европейской социологических ассоциаций (RN10 Sociology of Education) и проводимых ими научных конгрессов и конференций (см. напр., А. А. Андреев [37]); в проведении новых профильных конференций с участием авторов в 2017–2019 гг. в Испании¹, Болгарии², Китае³ и других странах; в увеличении публикаций в социологических изданиях, посвященных развитию студенческих компетенций (Ye Wangbei [38]), вопросам конструирования устойчивости студенчества к внешним трудностям (М. Newcomb и соавторы [39]), влияния виртуальной реальности на обучаемость студентов в научных лабораториях (G. Makransky и соавторы [40]), способности влияния на стратегии выживания у студентов через интернет (R. Nergeto и соавторы [41]), временным изменениям студенческой общности в поколенческом разрезе (М. Sobol-Kwapinska и соавторы [42]) и других.

В 2020 г. ожидаемо увеличилось число публикаций, посвященных ускоряющейся цифровизации, переходу образовательных процессов в дистанционный режим во время карантинных ограничений. Исследованию подвергались вопросы трансформации смысла обучения в цифровую эпоху (Н. Hardika и соавторы [43]), взаимодействия студентов разных стран через веб-страницы (Z. Zuocheng, W. Tu) [44], экстренного перехода к онлайн-обучению и его последствий под воздействием COVID-19 (Р. Novikov [45]). Однако в большинстве своем эти работы носят узкопрофильный характер и связаны в основном с различными образовательными аспектами и технологиями и редко выходят на уровень взаимодействия образовательных общ-

¹ International Conference on Higher Education Advances (HEAd'15–20), 2015–2020, Valencia <http://www.headconf.org>

² International Multidisciplinary Scientific Conference on social Sciences & Arts, SGEM, Albena, 2013–2019, <https://www.sgemsocial.org>.

³ International Conference on Pedagogy, Communication and Sociology (ICPCS), 2018–2019 in Ningbo Institute of Technology, Zhejiang University, Ningbo <http://www.icpcs2019.com>.

ностей и социума. Вместе с тем работ, фиксирующих и объясняющих изменения в образовательной активности студенчества региональных вузов под воздействием цифровизации и особенно в условиях массовой вынужденной самоизоляции, пока еще не так много.

Методология, материалы и методы

Исследование построено на традиционном представлении уральской социологической школы⁴ о многомерности молодежи [15, с. 28], о студенчестве как о самоорганизующемся полисубъектном акторе, молодежной общности [15, с. 31–32] и специфической цифровой общности. Теоретическим основанием явился комплекс специальных подходов отраслевого социологического знания (молодежи и образования): общностный [46, с. 9], системный, структурно-функциональный, институциональный, ресурсный [47], темпоральный [16, с. 388–394], тезаурусный и сетевой [48], а также панорамный подход, более использующийся в рамках педагогических исследований [49].

Эмпирическая часть исследования строится на материалах квотного смешанного традиционного раздаточного и электронного анкетного опроса. Электронный опрос осуществлялся через распространение QR-кодов для мобильных устройств и прямых ссылок на страницу анкеты на сервисе SAWI, где были сгенерированы опросные формы. Респонденты – студенты вузов Среднего Урала, предмет изучения – образовательная активность в условиях социальных ограничений, вызванных пандемией COVID-19. Время проведения – сентябрь – декабрь 2020 г. Генеральная совокупность – 120 319 студентов бакалавриата, специалитета, магистратуры, (2,88 % от контингента по Российской Федерации), в том числе 66872 – очной формы обучения⁵. Выборка носит репрезентативный характер: ее общий объем выборки – 1825 анкет из 19 вузов. В выборку вошли все 16 головных университетов и институтов, расположенных в Екатеринбурге (более 95 % всего студенчества Свердловской области, табл. 1). Основание для квотирования – численность студентов в вузе.

⁴ Научные школы Уральского федерального университета: энциклопедия [Электрон. ресурс] / Под общ. ред. проф. В. В. Запария. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2020. С. 195–222. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/94041> (дата обращения: 15.02.2021).

⁵ Свердловская область. Характеристика системы высшего образования [Электрон. ресурс] // Мониторинг эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования Российской Федерации. Режим доступа: https://monitoring.miccedu.ru/iam/2019/_уро/material.php?type=2&id=10804 электронные (дата обращения 12.03.2020).

Таблица 1

Численность студентов в вузах – участниках исследования

Table 1

Number of students in universities participating in the study

Вуз	Численность студентов на 2018/2019 учебный год, по данным федерального мониторинга
Уральский федеральный университет	33 458
Уральский институт управления (филиал) РАНХиГС	2473
Уральский государственный юридический университет	7964
Уральский государственный экономический университет	15375
Уральский государственный университет путей сообщения	8828
Уральский государственный педагогический университет	9658
Уральский государственный медицинский университет	4801
Уральский государственный лесотехнический университет	4838
Уральский государственный горный университет	8471
Уральский государственный архитектурно-художественный университет	1983
Уральская государственная консерватория имени М. П. Мусоргского	491
Технический университет УГМК	616
Российский государственный профессионально-педагогический университет	7296
Институт международных связей	247
Екатеринбургская академия современного искусства	291
Гуманитарный университет	1510

Математическая обработка осуществлена с помощью пакета прикладных программ для обработки социологической и маркетинговой информации Vortex. Для выявления динамики привлекались материалы вторичного анализа VI этапа регионального социологического мониторинга студенчества Свердловской области (2016 г.) [15], полученные при непосредственном участии авторов.

Результаты исследования

Образовательная активность студенчества рассматривается нами как один из важнейших видов социальной активности, мера процесса и результата (степень) интериоризации образовательного знания. Для студента это, прежде всего, составная часть жизненной стратегии, терминальная или ин-

струментальная ценность. Для общества она выступает как основной способ воспроизводства общечеловеческой и профессиональной культуры высшего уровня и как стратегический социально-экономический ресурс общества (воспроизводство носителей профессиональной культуры). Такой подход обнаруживает принципиальную схожесть интересов студенчества и общества – одни готовы и стремятся войти в состав профессионалов высшего и элитного уровня, второе готово поддерживать этот стратификационный слой. Противоречия возникают на стадии непосредственной реализации проекта, выбора инструментов передачи и интериоризации образовательного знания, в том числе и образовательным процессам в цифровой среде. Исходя из этого наиболее важные индикаторы, обуславливающие образовательную активность, отбирались с учетом необходимости фиксации специфики перехода на полное онлайн-образование в условиях пандемических ограничений, возможности сравнения данных самооценок студентов с исследованиями последних лет (табл. 2).

Одна часть выделенных признаков в большей степени характеризует студенчество как традиционную общность, другая – как цифровую, третья группа присуща обоим состояниям. Научно-исследовательская работа студентов, особенно для старшекурсников и магистрантов, в рамках проекта изучалась как пограничное состояние между образовательной и профессиональной активностью: как способ расширения тезауруса изучаемых дисциплин и как механизм формирования узкопрофессиональных компетенций. Ее анализ выходит за рамки настоящей статьи.

Таблица 2

Индикаторы образовательной активности

Table 2

Indicators of educational activity

№	Для традиционной общности	Для цифровой общности
1	Мотивация выбора вуза, образовательной программы	
2	Значимость источников информации о вузе, студенчестве	
	В офлайн-пространстве	В онлайн-пространстве
3	Уровень знаний при входе в вуз (оценка и самооценка)	
4	Готовность к обучению в вузе	
5	Соответствие ожиданиям о полученных на занятиях знаниях	
6	Степень удовлетворенности вузом и образовательным процессом	
7	Предпочтительная форма освоения учебного материала	
8	Степень важности источников учебной информации	
	Материалы традиционной формы обучения (лекции, аудиторные практические занятия и семинары)	Материалы онлайн-курсов
	Материалы мастер-классов, тренингов, деловых игр, междисциплинарных проектов	Учебные материалы на электронных носителях
	Материалы производственных и преддипломных практик	Материалы сайтов для студентов, компьютерных социальных сетей

№	Для традиционной общности	Для цифровой общности
	Учебные материалы на бумажных носителях	
9	Влияние материально-технического обеспечения: доступность зон для самостоятельной работы, коворкингов; условия проживания в общежитиях; затраты студентов на образовательный процесс	
	Расположение учебных корпусов, аудиторий	Возможность пользоваться быстрым интернетом, Wi-Fi в вузе
10	Взаимоотношения между участниками образовательного процесса Отношение преподавателей, кураторов и тьюторов к студентам	
	Индивидуальная работа преподавателей со студентами	Информационная культура, цифровая грамотность преподавателей
11	Технологии взаимодействия участников образовательного процесса	
		Использование электронного личного кабинета студента
		Независимый тестовый контроль по дисциплинам
		Применение балльно-рейтинговых систем, электронных зачетов
12		Цифровые навыки студентов
13		Влияние режима самоизоляции на образовательную активность
		Оценка перехода на «полный онлайн»
14		Особенности и проблемы онлайн-образования в сравнении с традиционной формой. Динамика бюджета образовательного времени. Самооценка знаний, полученных в онлайн-формате
15		Изменения в физическом, психическом, эмоциональном состоянии в условиях самоизоляции
16		Предпочтительная форма проведения занятий с учетом онлайн-опыта
17–27	Прочие социологически значимые индикаторы: пол, возраст, семейный статус, место проживания до вуза, экономическое положение, условия проживания, вуз, направление подготовки, уровень и форма освоения образовательной программы	

Главная особенность цифровой трансформации образовательной активности заключается в изменении ее формы. В рамках традиционной общности она основана на физическом контакте в реальном времени, в рамках цифровой всегда происходит через посредника – цифровое образовательное пространство и «цифровое время», за которым появляется возможность асинхронного освоения материала или параллельная разнонаправленная деятельность.

Влияние цифровых трансформаций заметно уже при изучении начального этапа образовательной активности. Механизм оформления отношений абитуриента и вуза переведен «в цифру», превратился в подачу цифровых документов через личный кабинет сайта государственных услуг. Традиционное посещение приемной комиссии, собственно здания университета не требуется. Это понятно с позиций удобства цифрового взаимо-

действия и санитарных требований в условиях пандемии. Однако исчезает существенная эмоциональная часть физического знакомства с университетским зданием, места, где абитуриенту предстоит провести как минимум четыре года. И уже это влияет на отношение к высшему образованию как терминальной ценности, университетской культуре, все более и более превращая его в ценность инструментальную. Впрочем, интерес к профессии был и остается главным фактором мотивации при выборе вуза и образовательной программы и даже немного возрастает после длительного ослабления (с 54 % респондентов, отметивших этот фактор в 2009 г., до 44 % в 2016 г.) [15, с. 351]. Наш опрос 2020 г. выявил 48 % таких ответов.

Готовность к вузовскому образованию последние 10 лет чаще всего оценивается через полученные при поступлении баллы ЕГЭ. Для студенчества Свердловской области характерно преобладание средних и хороших проходных баллов при относительной стабильности группы с низкими и отличными результатами (рис. 1. 2012, 2016 гг. [15, с. 291]).

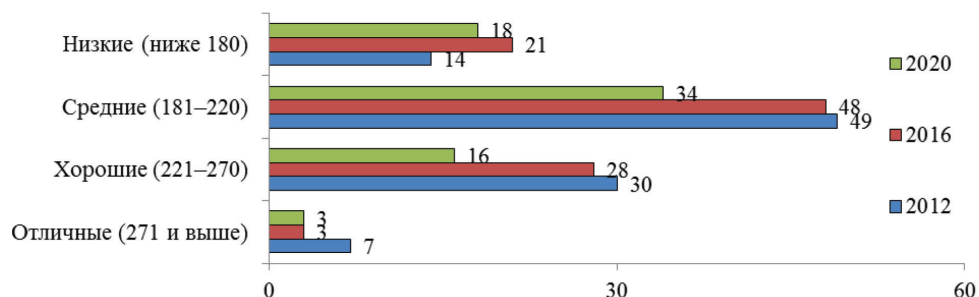

Рис. 1. Самооценки студентами своих баллов по ЕГЭ, % опрошенных

Fig. 1. Self-assessment by students of their USE scores, % of respondents

Количество набранных баллов в 2020 г. стало важным фактором выбора вуза для каждого третьего респондента, что подтверждает тенденцию относительной стабильности этого фактора (в 2012 г. его отметили 35 % респондентов, в 2016 – 30 % [15, с. 370]). В 2020 г. студентам было предложено оценить, насколько выбор вуза был гарантирован их достижениями в олимпиадах, конкурсах, соревнованиях. В общем массиве таковых оказалось 2,6 % респондентов, и заметной разницы ни в группах по полу, ни по профилю подготовки выявлено не было.

Успешность освоения вузовской образовательной программы зависит от предыдущего опыта, и в этом отношении получены интересные данные. Респондентам было предложено оценить, в какой мере их знания соответствуют полученным баллам ЕГЭ. Оказалось, что для каждого пятого респондента они соответствуют в полной мере, для каждого третьего – в целом

соответствуют. Свои знания лучше баллов ЕГЭ оценили 41 % опрошенных, в то время как обратная оценка (хуже баллов ЕГЭ) была лишь у 2 % респондентов. При этом вскрылась прямая зависимость: чем выше полученные баллы, тем более они оценивались как соответствующие знаниям. Полученные данные коррелируют с оценками студентами степени готовности к обучению в вузе при заметной гендерной разнице: о полной готовности и о том, что учиться легко высказались 30 % респондентов (32 % юношей и 28 % девушек), отдельные сложности в учебе возникли у 61 % (55 % и 64 % соответственно), значительную неготовность отметили 8 % (11 % и 6 % соответственно) и полную – 2 % респондентов.

Представляется, что выбор вуза и программы опосредованно связан с увеличением доступности информации, прежде всего в цифровом виде. Оценка степени важности источников информации в традиционном и цифровом формате приведена в таблице 3.

Как видно, традиционные университетские форматы (которые в условиях массовой самоизоляции активно трансформировались) оказываются менее значимыми, чем цифровые. Главная обнаруженная тенденция – существенное влияние закрепляется за социальными сетями. Потому и очевиден вывод о необходимости качественного модерирования информации, ее полноте, актуальности и достоверности.

Таблица 3

Оценка наиболее значимых источников информации о вузе, образовательных программах в традиционном и цифровом формате, 2020 г., поливариантный вопрос, % опрошенных

Table 3

Assessment of the most significant sources of information about the university, educational programmes in traditional and digital formats, 2020, a polyvariant question, % of respondents

Традиционные источники	%	Цифровые источники	%
Информация приемных комиссий вузов	44	На сайте университета (института)	72
Совет родителей	32	На специализированных сайтах для абитуриентов	38
Тест-драйв, дни открытых дверей вуза	25	В социальных сетях – в сообществах вуза, факультета	38
Совет друзей	21	В социальных сетях – на страницах молодежных сообществ	20
Совет специалистов, профессионалов предприятий, организаций, корпораций и т. п.	13	На персональных страницах друзей, одноклассников	8
Совет учителей	13	На сайтах предприятий	7

Традиционные источники	%	Цифровые источники	%
Мероприятия, проведенные в школе работниками вуза	10		
Из традиционных СМИ (пресса, радио, телевидение)	10		
Совет специалистов по профориентации	10		
Информация центров довузовской подготовки	9		
Мероприятия, проведенные в школе работниками предприятий	8		
Собственный вариант:	5	Собственный вариант:	1

Интересно гендерное различие в оценке важности источников цифровой информации: для девушек более представительными оказались страницы сообществ вуза, факультета (выбрали 41 % против 34 % юношей), для юношей – персональные страницы друзей и одноклассников (6 % и 11 % соответственно), что может быть использовано для целевого продвижения информации о вузе и образовательных программах.

Важнейшим условием образовательной активности являются источники учебной информации, доступные студентам. В исследовании 2020 г. была сделана оценка степени важности материалов учебного характера, доступных студентам на традиционных (рис. 2) и на электронных (рис. 3) носителях. Из оценок студентов следует, что цифровой контент заметно отстает по значимости от традиционного, прежде всего того, который студенты получают непосредственно в аудитории от преподавателей.

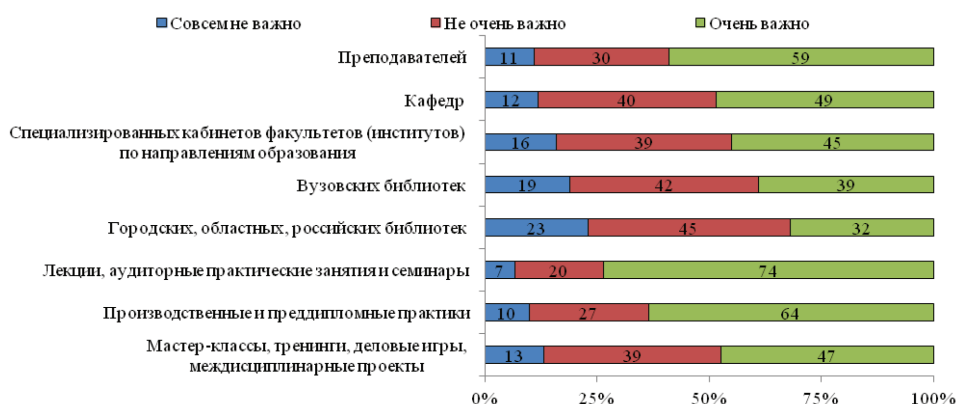

Рис. 2. Оценка важности для учебы материалов на традиционных носителях, 2020 г., % опрошенных

Fig. 2. Assessment of the importance of materials in traditional media for learning, 2020, % of respondents

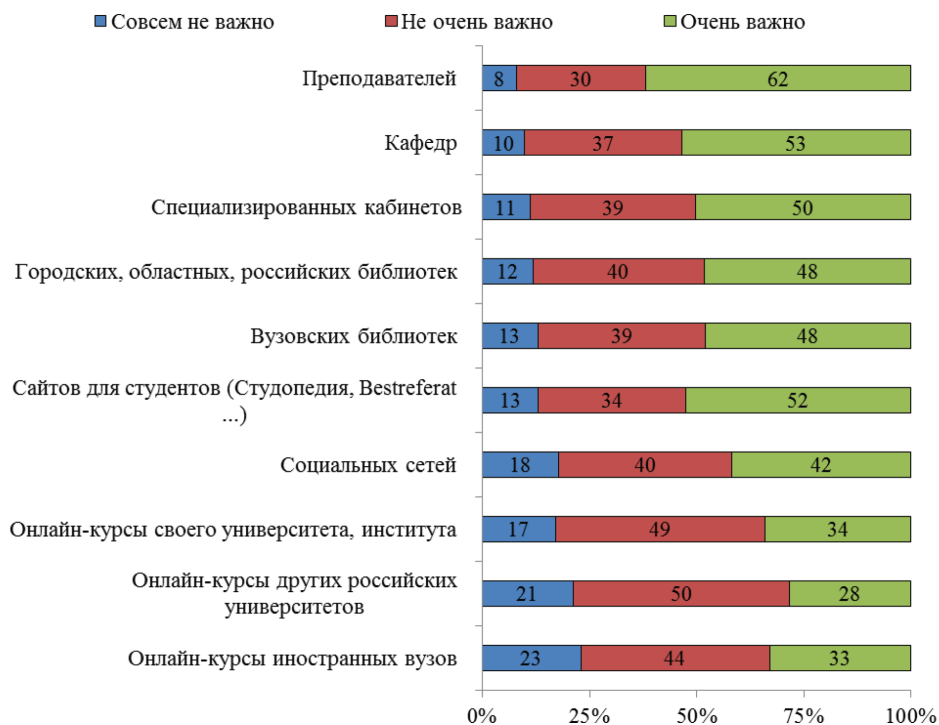

Рис. 3. Оценка важности для учебы материалов на электронных носителях, поливариантный вопрос, 2020 г., % опрошенных

Fig. 3. Assessment of the importance of materials on electronic media for learning, polyvariant question, 2020, % of respondents

Этим объясняется и желание студенчества вернуться от ситуации «всеобщего онлайн» к традиционным формам обучения. Критически значимы и результаты производственных и преддипломных практик, тем более что предыдущие исследования показали их значимость и как наиболее эффективного варианта первого послевузовского трудоустройства [15, с. 388]. Материалы активно продвигаемых интерактивных форм взаимодействия (мастер-классы и др.) оказались важными в значительно меньшей степени, чем от них следовало бы ожидать. В то же время вполне закономерно уменьшение значимости традиционной литературы вузовских и городских библиотек по сравнению с их же цифровыми материалами. Оно связано с необходимостью их физического посещения и ответственностью за возврат используемых изданий. Спецкабинеты («исторический кабинет» и т. п.) и кафедры в этом отношении оказываются в более выигрышной позиции в силу «шаговой доступности» для студентов.

Обратим внимание и на недостаточную востребованность материалов онлайн-курсов, особенно в сегменте других российских университетов. Их значимость во мнениях респондентов существенно уступает контенту социальных сетей и особенно сайтов «для студентов», концентрирующих готовые курсовые, рефераты и прочие материалы, предназначенные для контроля знаний. Здесь наиболее выпукло обнаруживается противоречие между желанием «знать» и возможностью «получить» необходимые баллы. Особенно его видно при анализе оценок по группам в зависимости от направления подготовки и по полу респондентов. Материалы сайтов для студентов «очень важными» отметили 44 % студентов и 58 % студенток, 44 % респондентов гуманитарного профиля, по 51 % – направлений инженерно-технического, естественнонаучного и математического, в то время как в группе общественно-экономического профиля таких оценок оказалось 58 %.

Аналогичная тенденция выявлена и при анализе значимости факторов материально-технического порядка (рис. 4): по всем позициям девушки чаще выбирали вариант «Очень важно». Чаще всего такую оценку получили позиции, характеризующие студенчество как «цифровых аборигенов» – возможность быть онлайн и иметь оборудованное пространство для самостоятельной работы в Сети. Половина респондентов связывает успешность своей учебы с возможностью посещать спортивные объекты, что свидетельствует об успешном формировании самосохранительного поведения студенчества.

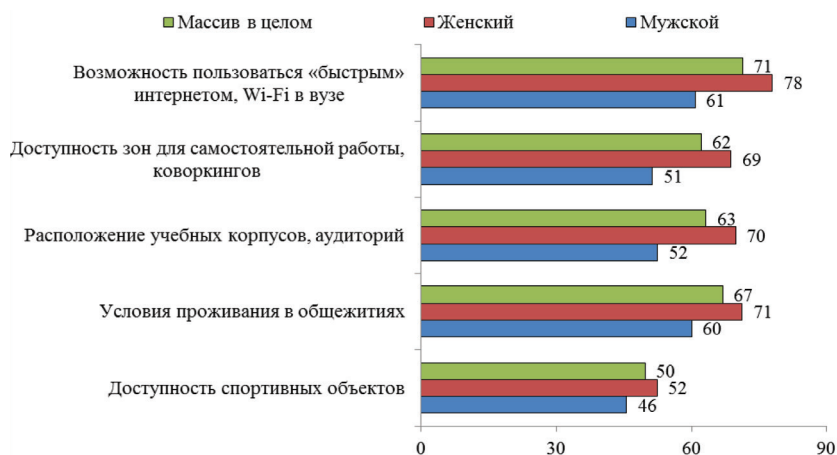
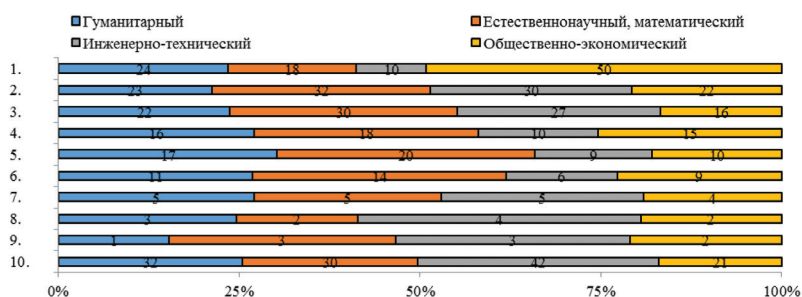

Рис. 4. Оценка «Очень важно» значимости материально-технического сопровождения образовательной активности в зависимости от пола респондента, 2020 г., % от группы

Fig. 4. Assessment “Very important” of the importance of material and technical support of educational activity depending on the gender of the respondent, 2020, % of the group

Важным фактором образовательной активности является финансовая состоятельность студенчества и структура затрат на образовательный процесс. Самооценки материального положения 2020 года фиксируют постепенное расслоение студенчества. Группа среднеобеспеченных (тех, кому хватает средств на еду, ежедневные расходы и одежду) сократилась по сравнению с 2016 годом [15, с. 170] с 50 до 45 %. Группа достаточно обеспеченных (ограничивающих дорогостоящие покупки) сократилась с 31 до 28 %. Напротив, заметен рост групп крайне необеспеченных (с 3 до 5 %), слабо обеспеченных (денег хватает только на еду – с 11 до 14 %) и максимально обеспеченных – с 4 до 8 % в 2020 г. При этом в общей структуре расходов затраты на образование в 2020 г. оценены как незначительные и практически незаметные (не более 1/10 всего бюджета) 42 % респондентами. Напротив, группы, для которых такие траты очень большие (более половины всего бюджета) и большие (от ¼ до половины) составили 17 % и 15 % соответственно. Еще 16 % – срединная группа (затраты между 1/10 и ¼ бюджета).

В структуре затрат на образование в 2020 г. (рис. 5) видны существенные различия между студентами в зависимости от направления подготовки.

Значения:

1. Оплата основного контракта (29 % в массиве)
2. Оплата компьютерной техники, программного обеспечения (26 % в массиве)
3. Оплата расходных материалов, технического оборудования (23 % в массиве)
4. Оплата дополнительных курсов, неформального образования (15 % в массиве)
5. Покупка учебников, учебных пособий (13 % в массиве)
6. Покупка научной литературы (10 % в массиве)
7. Услуги репетиторов, дополнительных занятий по предметам (5 % в массиве)
8. Оплата второго высшего образования (3 % в массиве)
9. Оплата зачетов, экзаменов (2 % в массиве)
10. Ничего не оплачиваю (30 % в массиве)

Рис. 5. Структура расходов на образование в зависимости от направления подготовки, поливариантный вопрос, 2020 г., % от группы

Fig. 5. Structure of education expenditures depending on the field of study, a multivariate question, 2020, % of the group

В целом по массиву характерно, что, помимо оплаты основного контракта (причем, что в выборке контрактников 39 %), лидирующие позиции

заняли расходы, свойственные цифровому обществу, – на компьютеры и программное обеспечение (рост на 16 % по сравнению с 2016 г.), прочее технического обеспечения и расходные материалы к ним. Еще один признак цифровой эпохи – стремление поддержать в актуальном состоянии профессиональное знание и расширить его средствами дополнительных образовательных услуг, отметил каждый шестой респондент. Что же касается традиционных трат на учебники и научную литературу, то за относительно невысокими показателями скрывается ее возросшая доступность в цифровом виде. Кроме того, такие расходы чаще, чем пять лет назад, происходят в интернет-магазинах, а предметом приобретения выступают цифровые версии книг. Озабоченность должен вызывать факт хотя и минимального, но наличия в оценках затрат на оплату зачетов и экзаменов – так называемая «коррупционная составляющая». Позитивно, что эта статья расходов за последние пять лет сократилась вдвое.

Последствия цифровизации учебного процесса наглядно проявились и во взаимоотношениях участников образовательного процесса (табл. 4).

Таблица 4

Оценка значимости для успешной учебы аспектов взаимодействия участников образовательного процесса, 2020 г., % опрошенных

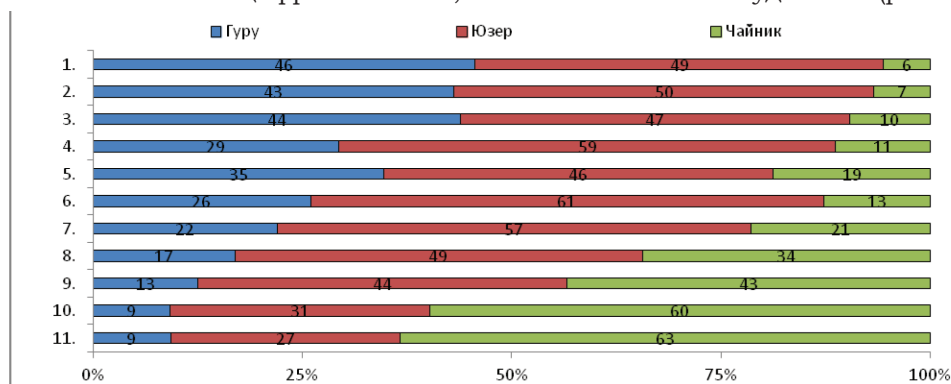
Table 4

Assessment of the importance of the aspects of interaction between participants in the educational process for successful learning, 2020, % of respondents

Значения	Совсем не важно	Не очень важно	Очень важно
Отношение преподавателей к студентам	4	12	84
Информационная культура, цифровая грамотность преподавателей	3	19	78
Индивидуальная работа преподавателей со студентами	3	19	78
Отношение кураторов, тьюторов к студентам	11	25	64
Использование электронного личного кабинета студента	8	29	63
Независимый тестовый контроль по дисциплинам	11	42	47
Применение балльно-рейтинговых систем, электронных зачетов	15	36	49

Информационная культура преподавателей в оценках студентов – второй по значимости аспект, предопределяющий успешность учебы. Аналогичная оценка индивидуальной работы свидетельствует о дальнейшей атомизации студенчества в обществе постмодерна, признаки которой были зафиксированы еще в начале прошлого десятилетия [50].

Оценки студентов «Не очень важно» технологической составляющей взаимодействия в цифровой среде (НТК, БРС и прочее) свидетельствуют о превращении их из инновационных в привычные методы коммуникации. Наконец, важнейшим фактором образовательной активности нужно считать цифровую грамотность студентов. Полученные данные свидетельствуют о явно недостаточном уровне специальных знаний, которые, в принципе, возможно дополнить за оставшееся время учебы. Фиксируется прямая зависимость: чем сложнее цифровой навык, тем менее он освоен студентами (рис. 6).

Значения:

1. Поиск и анализ информации для учебы
2. Владение базовыми пакетами программ (например, MS Office)
3. Использование для учебы виртуальных коммуникационных площадок, социальных сетей
4. Поиск и анализ общественно-политической информации
5. Управление группами в социальных сетях
6. Распознавание недостоверной информации
7. Владение средствами защиты информации
8. Владение специальными пакетами программ, необходимыми в Вашей профессии (например, Adobe Acrobat Pro, Компас 3D)
9. Электронная коммерция
10. Создание и модерация сайтов
11. Владение средствами профессионального программирования

Рис. 6. Самооценка студентами цифровых навыков, 2020 г., % опрошенных

Fig. 6. Self-assessment of digital skills by students, 2020, % of respondents

Озабоченность должны вызывать средние и низкие оценки (значительно более половины респондентов) в первых шести позициях, раскрывающих «повседневную цифровую грамотность», – там, где цифровые компетенции уже должны быть сформированы.

При анализе цифровых навыков в зависимости от профиля подготовки заметных отклонений не выявлено: студенты естественнонаучного, инженерно-технического направлений в большей степени владеют средствами профессионального программирования, технологией создания и модерации сайтов и отстают от представителей гуманитарного и общественно-экономи-

ческих направлений в электронной коммерции и управлении сообществами социальных сетей, по остальным навыкам различия несущественны. Впрочем, имеющихся цифровых навыков оказалось достаточно, чтобы относительно успешно войти в режим «всеобщего онлайн» в первую волну пандемии COVID-19, которая выступила в качестве катализатора цифровизации всей социальной жизни. Совсем несложным его назвали 35 % респондентов, чуть более половины (51 %) отметили, что испытывали некоторые сложности. Лишь для 14 % респондентов «полный онлайн» был сопряжен со значительными трудностями. Для юношей и девушек этот процесс шел с заметными различиями: молодые люди чаще девушек отмечали варианты «Совсем несложный» (40 % против 31 %) и «Было очень трудно (16 % против 13 %)». Однако их не хватило, чтобы сохранить образовательную активность на уровне «доконтактной эпохи» в масштабах всей общности. Такая активность снизилась ровно у половины респондентов: из-за отсутствия контактов с преподавателями и одногруппниками – у 43 %, еще у 7 % – из-за сложностей психологического плана, боязни за свою жизнь и здоровье. Вариант «Осталась такой же, только поменяла форму» отмечен каждый третьим респондентом, и только каждый пятый согласился с утверждением, что активность увеличилась и появилась возможность отдавать больше времени учебе. Гендерных различий в изменении образовательной активности не зафиксировано, а в группах по профилю подготовки небольшой разрыв виден только по переменной «Активность увеличилась» между представителями естественнонаучного направления (15 % от этой группы) и студентами общественно-экономического профиля (20 %).

Режим всеобщей самоизоляции существенным образом отразился на психоэмоциональном и физическом состоянии студентов: значительные изменения почувствовали 29 % и 19 % респондентов, не заметили никаких изменений 32 % и 38 % соответственно. Наиболее значимые следующие. Усталость от домашнего заточения почувствовали 46 % респондентов, апатию и безразличие – 38 %, стали более раздражительными 37 %. Физические изменения: вялость и слабость в теле почувствовали 40 %, нехватку физической активности – 35 %, лишний вес – каждый пятый. Естественно, что это не могло не отразиться на образовательной активности.

Переход в режим онлайн-образования выявил ряд его особенностей, оцененных студентами неоднозначно (рис. 7). Если первые три позиции вполне логично оценены большей частью как преимущество, повышающее результативность такого формата обучения, то суждения 4–8, которые должны (по крайней мере в суждениях сторонников массового распространения онлайн-курсов) свидетельствовать об упрощении и повышении качества обучения «в цифре», в оценках студентов оказались достаточно сдержанными. Вполне закономерной видится значительная доля негативных оценок и в отношении отсутствия «живого общения» между студентами и преподавателями (ограничение возможно-

стей для консультаций стало проблемой для 46 % опрошенных), студентами и однокурсниками (последнее как проблему назвали 48 % респондентов). Обнаружилась значительная усталость от постоянной привязанности к монитору, несмотря на относительно непродолжительный период «полного онлайн», и это наиболее часто отмечаемая студентами проблема в условиях онлайн-образования (54 % респондентов). Почти половине (48 %) участвовавших в опросе было сложно сконцентрироваться на учебе в домашних условиях. Среди проблем технического плана студентами чаще назывались низкое качество интернет-площадок для коммуникаций с преподавателем (отметили 35 %), отсутствие доступа к лабораторному оборудованию и слабые технические возможности компьютеров и гаджетов, используемых для учебы (назвал каждый третий респондент). Немногим менее и число тех, кто назвал проблемой отсутствие высокоскоростного, стабильного интернета (29 %).

Рис. 7. Оценка особенностей онлайн-образования в период пандемии, 2020 г., % опрошенных

Fig. 7. Assessment of the features of online education during the pandemic, 2020, % of respondents

В круге проблем организационного и содержательного плана чаще других студенты называли сокращение коллективных форм освоения материала (табл. 5).

Таблица 5

Проблемы организационного и содержательного характера, с которыми столкнулись студенты при онлайн образовании, поливариантный вопрос, 2020 г., % опрошенных

Table 5

Organisational and substantive problems faced by students in online education, a multivariate question, 2020, % of respondents

Значения	%
Меньше стало коллективных форм освоения материала, дискуссий, мастер-классов	36
Учиться сложно из-за отсутствия полноценного отдыха, активного досуга	32
Сложности со связью с работниками деканата, методистов	29
Нет возможности участвовать в общественной жизни университета	28
Низкое качество оформления учебного контента	26

Режим самоизоляции существенным образом изменил бюджет учебного времени студентов (рис. 8): для каждого третьего он увеличился, в то время как уменьшение учебного времени заметили 17 % опрошенных. Более всего это коснулось активности, связанной с выполнением самостоятельных и контрольных мероприятий и подготовку к занятиям, значительна и группа респондентов, которой потребовалось больше времени на подготовку и сдачу сессионных контрольных мероприятий (позитивно, что занижение оценок на экзаменах и зачетах как проблема была обозначена в ответах 16 % студентов).

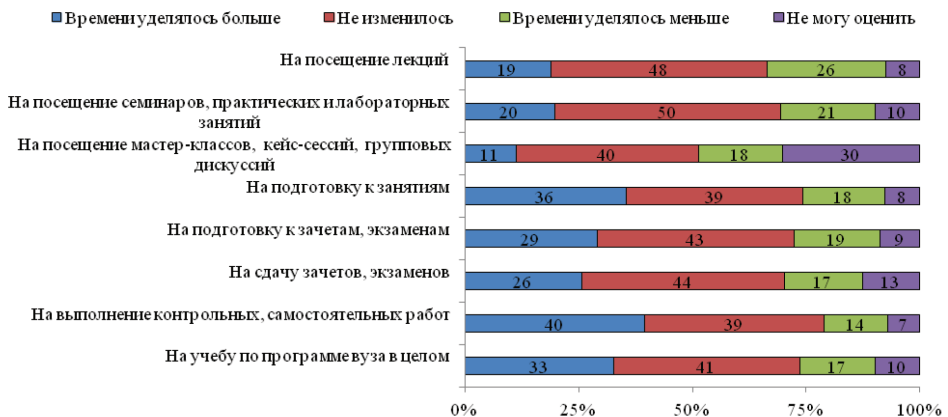

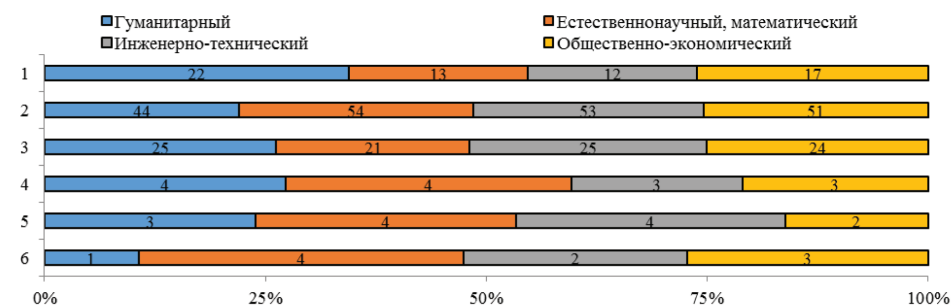
Рис. 8. Динамика бюджета времени на учебу во время самоизоляции, 2020 г., % опрошенных

Fig. 8. Dynamics of the time budget for study during self-isolation, 2020, % of respondents

Увеличение доли тех, кто больше времени тратил на посещение лекций и практик, видимо, связывается с технологичностью подключения в онлайн-формате. Бывшие «прогульщики» очных мероприятий (чаще всего из-за занятости на работе, а работающих в выборке оказалось практически половина – 48 %) получили часть свободного времени (из-за всеобщего локдауна) и возможность подключаться к занятиям через гаджеты и корпоративные компьютеры, что, впрочем, не мешало некоторым отключать свои динамики и продолжать работать. Что касается значительной доли не оценивших изменения времени на мастер-классы, то, скорее всего, эта форма занятий им была недоступна и в обычном формате.

Завершая эмпирический анализ, остановимся на оценках результативности обучения и предпочтениях в выборе форм на перспективу. Для 2/3 респондентов массива первоначальные ожидания от учебы соответствовали реалиям: она оказалась интересной и содержательной (но из них половина отметила наличие скучных и неинформативных дисциплин). Указали, что учеба совсем неинтересна, и готовы сменить направление подготовки либо завершить обучение по 3 % опрошенных, и еще столько же не смогли определиться. Видимо, эта малочисленная группа как раз и соответствует стереотипу «нужен диплом, неважно какой». В разрезе по профилю подготовки прослеживается самая многочисленная группа гуманитарного направления, наиболее высоко оценившая свой интерес к учебе (рис. 9).

Своеобразным индикатором признания успешности образовательной активности является наличие стипендии. В массиве 2020 г. она была только у половины респондентов, и у каждого десятого это социальная стипендия, т. е. показатель бедности. Обычная стипендия (фиксирующая нормальный процесс освоения программы) – у 71 % ее имеющих. Высокая оценка образовательной активности в виде нескольких стипендий от вуза и от разных фондов зафиксирована у 7 % респондентов. Немногим больше тех, кто обладал повышенной стипендией за науку (8 %). За другие виды общественной активности (творческая, спортивная) получали стипендию реже всего – лишь 4 % от группы. Таким образом, в общем массиве группа студентов, обладающая признанием их высокой активности в обучении и науке, оказывается крайне малочисленной.

Значения:

1. Да, учеба в вузе интересна и содержательна, курсы связаны с будущей профессией и жизнью
2. Да, в целом учеба интересна, но есть отдельные скучные и неинформативные дисциплины
3. Не совсем, много неинтересных дисциплин, слабо связанных с будущей работой и жизнью
4. Совсем нет, задумываюсь над тем, чтобы сменить направление подготовки
5. Совсем нет, задумываюсь над тем, чтобы прекратить учебу как бесполезное занятие
6. Не задумывался об этом

Рис. 9. Распределение оценок соответствия ожиданий о получаемых на занятиях знаниях в зависимости от направления подготовки, 2020 г., % от группы

Fig. 9. Distribution of assessments of compliance with expectations about the knowledge acquired in the classroom depending on the field of study, 2020, % of the group

Онлайн-формат в оценках студентов не лучшим образом сказался на качестве полученных знаний. Для большинства (54 % опрошенных) они стали более поверхностными, слабыми и более формализованными, чем в традиционной форме, для 28 % качество не изменилось, и только для 8 % знания стали глубже и лучше, более системными, чем в традиционном формате. Наконец, каждый десятый респондент не смог оценить, были или нет изменения при переходе в онлайн. Значительных гендерных различий данному индикатору не выявлено. В группах по профилю обучения разница фиксируется в варианте ответа «более поверхностные и слабые, более формализованные» между группами гуманитарного и естественнонаучного, математического направлений (63 % и 55 % ответивших соответственно). Как закономерное следствие можно считать и оценки наиболее предпочтительных технологий образования в дальнейшем (рис. 10).

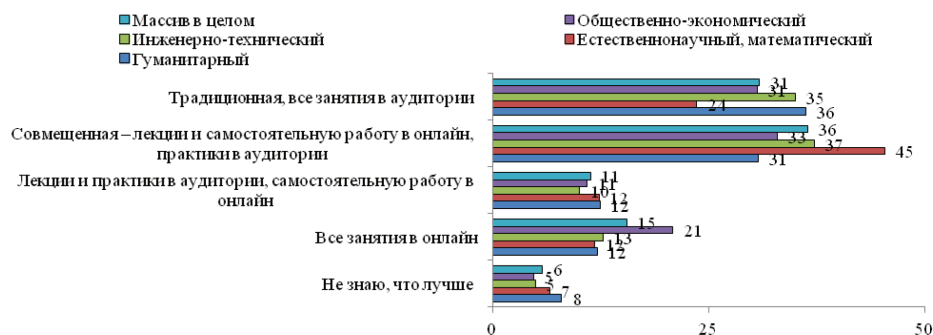

Рис. 10. Предпочтительная форма обучения для продолжения образования, 2020 г., % от группы

Fig. 10. Preferred form of education for continuing education, 2020, % of the group

Выбор оказался затрудненным: при значительном большинстве традиционных или смешанных форм сторонников «полного онлайн» оказалось не так уж и мало, особенно в группе общественно-экономического профиля. Интересно, что мужская часть выборки заметно чаще высказывалась за продолжение занятий в традиционном аудиторном формате (35 % против 28 % среди женской части), в то время как девушки чаще отдавали предпочтение совмещенной форме (лекции и самостоятельную работу – онлайн, практики – в аудитории) – 39 % против 32 % юношей.

Обсуждение результатов

Термин «образовательная активность студентов» в работах европейских исследователей более ориентирует на изучение личности студента: его стратегии, выбора индивидуальной траектории, представлений о мотивах, самообразовании и т. д. [51–53]. В российской социологии данное понятие чаще применяется к крупным группам и общности в целом [54–55]. Общностный подход при изучении образовательных общностей в современной социологии Запада, по справедливому замечанию профессора Г. Е. Зборовского, применяется крайне редко. Значительно чаще представлены работы, выполненные «...в теориях ресурсной зависимости, стейкхолдеров, институционального разнообразия, зависимости от предшествующего развития, экономики знаний, социального неравенства и социальной стратификации в образовании...» [16⁶, с. 389] и других. Тем самым задается формат исследования отдельных объективных факторов, влияющих на состояние студенчества, а субъективные параметры изменения структуры общности при данном подходе не затрагиваются. Вместе с тем предложенная

⁶ В этой работе читатель найдет фундаментальный анализ трудов ведущих специалистов мира, посвященных социологии высшего образования [16, с. 241–282].

Г. Е. Зборовским одна из наиболее развернутых концепций социальной общности на практике продемонстрировала значительный эвристический потенциал. Выделяемые им семь преимущественно объективных и семь преимущественно субъективных признаков применимы для любой социальной общности [46, с. 9]. Однако в социологической литературе последнего десятилетия нами не обнаружено комплексной характеристики студенчества с позиций общностного подхода, равно как и определения, опирающегося на понятие «общность» (см., напр., [15, с. 25–95]). Следуя определению социальной общности и характеристике общностнообразующих признаков, данному в цитируемой выше работе Г. Е. Зборовского, мы предлагаем понимать *под студенческой общностью* специфический вид *реально существующей, эмпирически фиксируемой, относительно единой и самостоятельной совокупности (взаимосвязи) людей, объединенных по признаку участия в образовательном процессе высшей школы в качестве обучающихся*. Представляется важным подчеркнуть именно последнее, лежащее на поверхности свойство изучаемой общности, поскольку оно определяет характер социального взаимодействия.

Формирование цифрового социокультурного пространства заставляет обратиться к проблеме конкретизации общностнообразующих признаков студенчества с этой (новой) стороны. Понимание студенчества как традиционной, виртуальной и цифровой общности дает ключ к выявлению факторов его образовательной активности.

Позиционируя студенческую общность как *традиционную*, авторы полагают, что ее жизнь происходит в реальном (в отличие от виртуального) социокультурном пространстве. Традиционная студенческая общность, будучи включенной в более широкий социальный контекст – систему профессионального образования, проявляет себя как *образовательная общность*, что и определяет ее главные общностнообразующие признаки. В качестве детерминанта относительной целостности общности выступает осознание студентами своей принадлежности вузовской среде в целом, самоидентификацию с высшей школой, и это разграничивает ее с близкой по характеристикам общностью студентов системы среднего профессионального образования. Схожесть устройства вузовского образования как системы и как социального института формирует другой признак общности – относительно одинаковые «условия жизни и деятельности, наличие пространственно-временных полей бытия» [46, с. 9], определяемых учебными программами, университетскими кампусами, другими элементами социокультурной среды, присущими высшей школе. Кроме этого, схожесть жизнедеятельности определяется близкими социально-демографическими характеристиками: несмотря на отмеченную тенденцию к «взрослению», студенчество остается

молодежной общностью даже без учета произошедшего только что законодательного пересмотра верхней границы молодежного возраста (поднят до 35 лет)⁷. Наконец, у студенчества высшей школы есть определенные функции «самостоятельного субъекта социального и исторического действия и поведения на основе обладания и использования различных ресурсов» [46, с. 9]. В качестве основной функции общности для конкретного региона и общества на уровне национального государства выступает создание профессионального потенциала высшего уровня, для нее самой – профессиональная и культурная социализация. Реализация данной функции основана на схожести ценностных ориентаций, установок и интересов как основания для совместной деятельности, осуществляемой на основе имеющихся в распоряжении общности актуальных (наличных, непосредственно используемых) и потенциальных (не задействованных в социальном действии) ресурсов.

Для традиционной студенческой общности в ее ресурсном потенциале ведущее место занимает совокупность культурных ресурсов (качество воспитания, уровень полученного и усвоенного образования, пусть даже и не завершенного, степень интериоризации профессиональной и общечеловеческой культуры), которая определяет ее место в качестве культурного авангарда молодежи.

Политические, социальные и экономические ресурсы оказывают заметное влияние на образовательную активность, но не являются предметом данной статьи. Поэтому ограничимся констатацией утверждения, что ресурсный потенциал этой группы может и должен быть востребован для решения стратегических задач, стоящих перед российским обществом.

Активно разрабатываемая в последнее время концепция *виртуальной общности* обращает нас к теориям постмодерна и информационному обществу, социальное действие которого происходит не только и не столько в реальном, сколько в киберпространстве, или виртуальной реальности. Взаимодействие на постоянной основе пользователей компьютеров через структуры виртуального пространства позволило говорить и о формировании виртуальных общностей.

Виртуальная общность, как и традиционная, может быть эмпирически зафиксирована как система информационного общества. Но в отличие от последней она формируется исключительно в результате *взаимодействия в виртуальном пространстве* посредством электронной коммуникации и

⁷ Российская Федерация. Законы. О молодежной политике в Российской Федерации. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ [Электрон. ресурс] // Гарант. Информационно-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192> (дата обращения: 10.02.2021).

обладает свойствами *компьютерной социальной сети*. И ее общностнообразующие признаки имеют значительные отличия. Во-первых, основным действующим актором в такой общности выступают аватары (симулякры), замещающие реальные личности и не всегда позволяющие их идентифицировать. «Традиционные объективные параметры идентичности (пол, возраст, национальность, раса и др.) в виртуальном пространстве зачастую теряют свое значение, а на первое место могут выходить моменты конструирования (самоконструирования) индивидами своей идентичности» [56, с. 25]. Изменяются границы общности – место конкретных географических замещают границы социального интереса, возникает феномен распределенного пространства. «Живые» контакты в реальном социокультурном пространстве исчезают, а территориально-социальная мобильность изменяет форму: вместо реального перемещения основным становится интернет-серфинг от одной виртуальной группы к другой. Наконец, главным ресурсом, посредством которого реализуются функции социального действия, выступает социальный (символический) капитал, перемещающийся между акторами (вершинами сети) в ходе взаимодействия (ребрами сети).

Для изучения социальной активности студенчества представляется необходимым введение термина *цифровая социальная общность*. Под такой общностью следует понимать тип эмпирически фиксируемой социальной системы, формирующейся в результате трансформации традиционной социальной общности под воздействием виртуализации и цифровизации окружающего социального пространства. Это означает, что цифровая общность сохраняет базовые признаки традиционной общности с трансформацией их содержания. Основным действующим актором выступает аватар, но в отличие от виртуальной общности представляющий реально существующую и идентифицируемую личность, взаимодействие которой основано на сочетании контактов как в реальном, так и в виртуальном социокультурном пространстве. Цифровая общность сохраняет контуры географических границ, которые размываются за счет взаимодействия в виртуальном пространстве. Функции социального действия в такой общности реализуются за счет совокупности ресурсов, присущей общности традиционной, а социальные (символические) ресурсы выступают одними из них. Эвристическая ценность данного концепта в методологическом плане заключается в возможности соотнесения социальной активности общности реального мира с социальной активностью общности идентифицируемых аватаров цифрового пространства, их взаимодействия и взаимовлияния.

Студенчество – один из самых активных акторов виртуального пространства в силу доступности (практически не осталось студентов, не имеющих технической возможности выйти в интернет), цифровой грамотности

(сформированной даже не в старшей школе, а уже в детском возрасте) и потребности (прежде всего в информации, необходимой для основной деятельности – образования) в виртуальном пространстве. Как социальная общность оно проявляет себя во всех трех формах самоорганизации – и в традиционном, и в виртуальном, и в цифровом. Однако, следуя темпоральному подходу, можно констатировать, что в силу массовой цифровизации всех сфер жизни и необратимости этого процесса третье тысячелетие положило конец более чем 800-летнему существованию традиционной студенческой общности. Далее ее следует изучать как *цифровую образовательную общность*, и в меньшей степени – как виртуальную общность, исходя из сложности идентификации акторов.

Заключение

Итак, многомерный подход в изучении студенческой молодежи как специфической образовательной общности позволяет сделать вывод о формировании *цифровой образовательной общности*, формирующейся под воздействием виртуализации и цифровизации окружающего социального пространства. Появление посредника – цифрового социокультурного пространства – предопределило закрепление в качестве главного действующего актора идентифицируемого с реальной личностью цифрового аватара, социальное действие которого легко переносится из реального пространства в цифровое и обратно, благодаря чему значительно расширяются возможности в актуализации ресурсного потенциала общности в реализации смысло-жизненных установок.

Образовательная активность как важнейший элемент общностно-образующей системы становится неразрывно связанной и зависящей от цифрового социокультурного пространства, доступности и качества его контента. Цифровые навыки самого студенчества, выступая одним из базовых индикаторов, и взаимодействующей с ними общности научно-педагогических работников становится главным детерминантом успешности в реализации главной функции института высшего образования – подготовки профессионалов высшего уровня. Не менее значимыми индикаторами образовательной активности выступают технологии цифрового взаимодействия и бюджет цифрового времени, оказывающие заметное влияние на самооценки полученных знаний.

Изучение динамики образовательной активности под воздействием процессов цифровизации в условиях пандемических ограничений и вынужденной всеобщей самоизоляции позволяют сделать вывод, что цифровые компетенции студенчества оказались достаточными для экстренного перехода в режим «полного онлайн». Однако многочисленные проблемы мате-

риального и технического характера, изменение образовательной культуры (ее переход в обыденность, «диванно-экранный» режим трансляции и интериоризации знания), массовое распространение образовательных симулякров (например, в виде сайтов с готовыми рефератами и заполненными тестами и даже классическая шпаргалка в сравнении с принтскрином экрана), инструментов обхода систем цифрового контроля негативным образом отразились на качестве образовательного процесса и обострили противоречие между цифровой и классической университетской и профессиональной культурой. Это противоречие лежит в основе стремления значительной части студенчества вернуться к традиционным или как минимум к смешанным форматам продолжения образования, по крайней мере, той части студенчества, для которой ценностью выступают знания, а не их формализация в виде диплома. Как следствие, для успешной реализации функций института высшего образования необходим поиск баланса между традиционными и цифровыми технологиями, между показателями образовательной активности (приоритет поиска и представления нужной информации) и реальными знаниями профессионала. Впрочем, профессиональная культура «цифрового студента» требует теоретического разработки и эмпирического измерения.

Список использованных источников

1. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе: антология. Москва: Прогресс, 1986. С. 330–342.
2. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева ; под ред. В. Харитоновой. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
3. Ингегарт Р. Модернизация и постмодернизация // Новая индустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. Москва: Academia, 1999. С. 261–291.
4. Беляков С. А. Модернизация образования в России: совершенствование управления [Электрон. ресурс]. Москва: МАКС Пресс, 2009. 440 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20098814> (дата обращения: 30.04.2021).
5. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества / Пер. с польск. С. М. Червонной. Москва: Логос, 2008. 664 с.
6. Зборовский Г. Е. Модернизация образования сквозь призму социальной политики [Электрон. ресурс] // Журнал исследований социальной политики. 2010. Т. 8. № 1. С. 87–104. Режим доступа: <https://www.library.ru/item.asp?id=13216410> (дата обращения: 03.05.2021).
7. Константиновский Д. А., Абрамова М. А., Вознесенская Е. Д. [и др.]. Новые смыслы в образовательных стратегиях молодежи: 50 лет исследования: монография [Электрон. ресурс]. Москва: ЦСП и М, 2015. 232 с. Режим доступа: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3311> (дата обращения: 12.03.2021)
8. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Каташинских В. С. Формирование нелинейной системы высшего образования в макрорегионе [Электрон. ресурс]. Екатеринбург:

бург: Гуманитарный университет, 2018. 251 с. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/65469> (дата обращения: 15.03.2021).

9. Boulianne S., Theocharis Y. Young People, Digital Media, and Engagement: A Meta-Analysis of Research // *Social Science Computer Review*. 2020. № 38 (2). P. 111–127. DOI: 10.1177/0894439318814190

10. Albert M., Hurrelmann K., Leven I., et al. Der Nutzen des Begriffs Generation in Soziologie und Jugendforschung // *Kölner Zeitschrift für Soziologie Sozialpsychologie*. 2019. № 71. P. 457–469. DOI: 10.1007/s11577-019-00635-5

11. Ben A. L. Violence and Youth Studies in the 21st Century // *Youth and Violent Performativities*. Singapore: Springer, 2020. P. 35–53. DOI: 10.1007/978-981-15-5542-8

12. Woodman D., Threadgold S. The future of the sociology of youth: Institutional, theoretical and methodological challenges // *Youth Studies Australia*. 2011 (Sep). № 30 (3). Pp: 8–12. Available from: https://www.researchgate.net/publication/256464643_The_Future_of_Youth_Sociology_Institutional_Theoretical_and_Methodological_Challenges (date of access: 03.06.2021).

13. Тетерский С. В., Ростовская Т. К., Фомина С. Н. [и др.]. Теория и практика устойчивого ценностно-позитивного развития молодежи [Электрон. ресурс]. Москва: Перспектива, 2016. 280 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26635039> (дата обращения: 08.02.2021).

14. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы [Электрон. ресурс] // *Россия реформирующаяся: ежегодник: вып. 15*. Москва: Новый Хронограф, 2017. С. 12–48. Режим доступа: <https://www.isras.ru/publ.html?id=5060> (дата обращения: 08.02.2021).

15. Банникова Л. Н., Белова О. Р., Боронина Л. Н. [и др.] СТУДЕНТ 1995–2016 гг.: динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала: монография [Электрон. ресурс] / Под общ. ред. Ю. Р. Вишневецкого. Екатеринбург: УрФУ, 2017. 904 с. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/54225> (дата обращения: 08.02.2021).

16. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Социология высшего образования: монография [Электрон. ресурс]. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2019. 539 с. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/78152> (дата обращения: 08.02.2021).

17. Beyond Dead Reckoning: Research Priorities for Redirecting American Higher Education. Report of National Center for Postsecondary Improvement (Oktober 2002). 28 p. Available from: http://web.stanford.edu/group/ncpi/documents/pdfs/beyond_dead_reckoning.pdf. (date of access: 03.06.2021).

18. *Routledge Handbook of the Sociology of Higher Education* / Ed. By J. E. Cote, A. Furlong. L.-N.Y.: Taylor and Francis Group, 2016. 414 p. DOI: 10.4324/9781315772233

19. Clark B. Development of the Sociology of Higher Education // *Sociology of Higher Education: Contributions and their Context* / Ed. by P. J. Gumpert. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2007. P. 147–183.

20. Rabossi M., Guaglianone A. Las políticas de internacionalización universitaria en la Argentina: movilidad estudiantil y producción científica // *Revista Ibero-Americana de Estudos em Educação*. 2020. Special Issue (№ 15). P. 2556–2576. DOI: 10.21723/riaee.v15iesp4.14504

21. Traianou A. The Erosion of Academic Freedom in UK Higher Education // *Ethics in Science and Environmental Politics*. 2015. № 15 (1). P. 39–47. DOI: 10.3354/esep00157

22. Bourdieu P. Homo academicus. Stanford. California: Stanford University Press, 1988. 367 p. Available from: https://monoskop.org/images/4/4f/Pierre_Bourdieu_Homo_Academicus_1988.pdf (date of access: 03.03.2021).

23. Vallet L.-A., Ichou M. Academic Achievement, Tracking Decisions, and Their Relative Contribution to Educational Inequalities: Change over Four Decades in France // Determined to Succeed? Performance versus Choice in Educational Attainment / M. Jackson (Ed.). Stanford: Stanford University Press, 2013. P. 116–148. DOI: 10.11126/stanford/9780804783026.003.0005

24. Gorshkov M. K., Sheregi Frants E. Young people in Russia and their life plans: present and future. In: Handbook of the sociology of youth in BRICS countries. 2018: World Scientific Publishing Co. Pte Ltd. P. 861–880. Available from: <https://www.isras.ru/publ.html?pid=5408> (date of access: 12.10.2020).

25. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А., Каташинских В. С. [и др.]. Нелинейная модель российского высшего образования в макрорегионе: теоретическая концепция и практические возможности: монография [Электрон. ресурс]. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2016. 336 с. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/43856> (дата обращения: 18.12.2020).

26. Стегний В. Н., Курбатова Л. Н. Социальный портрет студенчества в условиях трансформации российского общества: монография. 2-е изд. Пермь: Изд-во ПНИПУ, 2018. 384 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19669004> (дата обращения: 23.01.2021).

27. Зборовский Г. Е., Шуклина Е. А. Взаимодействие между образовательными общностями российского мегаполиса: проблемы управления // Вопросы управления. 2017. № 3 (46). С. 44–52. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32751807> (дата обращения 17.12.2020).

28. Шемелева И. И. Социальная активность студенческой молодежи: факторный и кластерный анализ // Социологические исследования. 2019. № 4. С. 133–141. DOI: 10.31857/S013216250004594-6

29. Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю., Дидковская Я. В. Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация? // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 1. С. 152–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-152-170

30. Зборовский Г. Е., Мельниченко С. В. Понятие человеческого капитала образовательных общностей в вузе // Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий: материалы III Международной научно-практической конференции, Екатеринбург, 21–22 апреля 2017 г.: в 2-х т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. Т. 1. С. 215–219. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/55507> (дата обращения: 12.12.2020).

31. Вишневецкий Ю. Р., Нархов Д. Ю. Парадоксы модернизации высшего образования (итоги 20-летнего мониторинга студенчества Свердловской области) // Вестник РУДН. Серия Социология. 2019. № 2. С. 289–301. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-289-301

32. Норичугу У. Общество 5.0: взгляд Mitsubishi Electric // Экономические стратегии. 2017. № 4. С. 122–131. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29679937> (дата обращения: 03.03.2021).

33. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. Part 1 // On the Horizon. 2001. № 9 (5). P. 1–6. DOI: 10.1108/107481201110424816.

34. Стегний В. Н., Ермаков М. А. Социологический анализ представления студентов об информационном обществе [Электрон. ресурс] // Вестник Пермского на-

ционального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2016. № 1. С. 8–16. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25664012> (дата обращения: 18.12.2020).

35. Зборовский Г. Е. Теория социальной общности: монография [Электрон. ресурс]. Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2009. 304 с. Режим доступа: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19667671> (дата обращения 21.11.2020).

36. Заграничный А. И. Особенности проявления социальной активности молодежи в виртуальной и реальной средах // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 4 (60). С. 95–98. DOI: 10.24158/spp.2019.4.16

37. Андреев А. Л. Лицом к лицу с современным миром // Социологические исследования. 2019. № 2. С. 3–8. DOI: 10.31857/S013216250003995-7

38. Wangbei Ye. Students' Citizenship Competence Learning in China's Yangzhong City // British Journal of Educational Studies. 2018. № 67 (4). P. 513–539. DOI: 10.1080/00071005.2018.1453045

39. Newcomb M., Burton J., Edwards N., Student Constructions of Resilience: Understanding the Role of Childhood Adversity // Australian Social Work. 2019. № 72 (2). P. 166–178. DOI: 10.1080/0312407X.2018.1550521

40. Makransky G., Terkildsen Th. S., Mayer R. E. Adding immersive virtual reality to a science lab simulation causes more presence but less learning // Learning and Instruction. 2019. № 60. P. 225–236. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2017.12.007

41. Herrero R., Mira A., Cormo G. Et all. An Internet based intervention for improving resilience and coping strategies in university students: Study protocol for a randomized controlled trial // Internet Interventions. 2019. № 16, April. P. 43–51. DOI: 10.1016/j.invent.2018.03.005

42. Sobol-Kwapinska M., Przepiorka A., Zimbardo F., Philip P. The structure of time perspective: Age-related differences in Poland // Time & Society. 2019. № 28 (1). P. 5–32. DOI: 10.1177/0961463X16656851

43. Hardika E.-N. A., Raharjo K. M., Soraya D. U. Transformation the Meaning of Learning for Millennial Generation on Digital Era // International Journal of Interactive Mobile Technologies. 2020. № 14 (12). P. 69–81. DOI: 10.3991/ijim.v14i12.15579

44. Zhang Z., Tan S., Wignell P., O'Halloran K. Addressing international students on Australian and Chinese university webpages: a comparative study // Discourse, Context & Media. 2020 (Aug.) № 36. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211695820300362> (date of access: 23.06.2021) DOI: 10.1016/j.dcm.2020.100403

45. Novikov P. Impact of COVID-19 Emergency Transition to On-line learning on International Students' Perceptions of Educational Process at Russian University // Journal of Social Studies Education Research. 2020. № 11 (3). Pp. 270–302. Available from: <https://jsser.org/index.php/jsser/article/view/2602> (date of access: 17.03.2021)

46. Зборовский Г. Е. Теоретические основания изучения социальной общности // Социологические исследования. 2010. № 4. С. 3–12. Режим доступа: https://www.isras.ru/socis_2010_04.html (дата обращения: 25.12.2020).

47. Narkhov D. Yu., Narkhova E. N. & Vishnevsky Yu. R. Resource potential of the community of faculty members in the modernization of the Russian higher education // 4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18), June 20–22, 2018. Valencia, Spain. P. 707–715. DOI: 10.4995/HEAd18.2018.8067

48. Князева Е. И. Сетевая теория в современной социологии // Социология. 2006. № 2. С. 3–10. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (дата обращения: 03.03.2020).

49. Загвязинский В. И. Общая панорама педагогического исследования: постановочный этап // Образование и наука. 2014. № 8 (117). С. 4–18. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-8-4-18

50. Нархова Е. Н., Радченко Т. Е. Методы формирования самоидентификации студенческой молодежи // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 3 (104). С. 69–76. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/21082> (дата обращения 13.02.2021).

51. Fihel Yu. O. Role of Practical Professional Activity in the Educational Process of Students of Legal Specialities // Law and Safety. 2010. Vol. 2010, Iss. 4. P. 122–126. URL: <http://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/lwskfhv2010&div=204> (date of access: 10.06.2021).

52. Luis M. I., de la Torre T., Huelmo J. (et al.) Active methodologies and teaching performance: a necessary relationship in the field of education // 4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18), Valencia, Spain, June 20–22, 2018. P. 995–1001. DOI: 10.4995/HEAd18.2018.8134

53. Sanina E., Tan Nham Ngoc, Savadova A., Aleksanyan G., Batayeva Ya. Management of self-educational activity of students in the information educational environment of the university // International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM. 2018, Vol. 5. P. 473–478. DOI: 10.5593/sgemsocial2018/3.4

54. Серафимович И. В., Конькова О. М. Содействие профессионализации через организацию научно-образовательной среды вуза // Открытое образование. 2017. № 2. С. 29–39. DOI: 10.21686/1818-4243-2017-2-29-39

55. Trostinskaya I. R., Evseeva L. I., Pozdeeva E. G., Tanova A. G. Sociological assessment of student activity potential as a subject of the educational process // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Vol. 940, International Scientific Conference “Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service” 2019, November, 21–22. Saint Petersburg, Russian Federation. DOI: 10.1088/1757-899X/940/1/012141

56. Зборовский, Г. Е., Шуклина Е. А., Амбарова П. А. [и др.]. Управление стратегиями поведения городских общностей: проблемы и возможности: монография [Электрон. ресурс]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 200 с. Режим доступа: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/28072> (дата обращения: 18.03.2021).

References

1. Bell D. Sotsial'nyye ramki informatsionnogo obshchestva = Social framework of the information society. In: Novaya tekhnokraticeskaya volna na Zapade = New technocratic wave in the West. Moscow: Publishing House Progress; 1986. p. 330–342. (In Russ.)

2. Castells M. Galaktika Internet: Razmyshleniya ob Internete, biznese i obshchestve = Internet Galaxy: Reflections on the Internet, business and society. Translated from English by A. Matveev. Ed. by V. Kharitonov. Ekaterinburg: Publishing House U-Faktoriya (with the participation of the Liberal Arts University); 2004. 328 p. (In Russ.)

3. Inglegart R. Modernizatsiya i postmodernizatsiya = Modernisation and postmodernisation. In: V. L. Inozemtsev (ed.). Novaya industrial'naya volna na Zapade. Antologiya = New industrial wave in the West. Anthology. Moscow: Publishing House Academia; 1999. p. 261–291. (In Russ.)

4. Belyakov S. A. Modernizatsiya obrazovaniya v Rossii: sovershenstvovaniye upravleniya = Modernisation of education in Russia: Management improvement [Internet]

Moscow: Publishing House MAKS Press; 2009 [cited 2021 Apr 30]. 440 p. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20098814> (In Russ.)

5. Shtompka P. *Sotsiologiya. Analiz sovremennogo obshchestva = Sociology. Analysis of modern society*. Translated from Polish by C. M. Chervonnaya. Moscow: Publishing House Logos; 2008. 664 p. (In Russ.)

6. Zborovsky G. E. Modernisation of education through the prism of social policy. *Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki = Journal of Social Policy Research* [Internet]. 2010 [cited 2021 May 03]; 8 (1): 87–104. Available from: <https://www.library.ru/item.asp?id=13216410> (In Russ.)

7. Konstantinovsky D. L., Abramova M. A., Voznesenskaya E. D., Goncharova G. S., Kostyuk V. G., Popova E. S., Cherednichenko G. A. *Novyye smysly v obrazovatel'nykh strategiyakh molodezhi: 50 let issledovaniya = New meanings in educational strategies of youth: 50 years of research* [Internet]. Moscow: Center for Social Forecast and Marketing Publishing House; 2015 [cited 2021 Mar 12]. 232 p. Available from: <https://www.isras.ru/publ.html?id=3311> (In Russ.)

8. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Katashinskikh V. S., et al. *Formirovaniye nelineynoy sistemy vysshego obrazovaniya v makroregione = Formation of a nonlinear system of higher education in a macroregion* [Internet]. Ekaterinburg: Liberal Arts University; 2018 [cited 2021 Mar 15]. 251 p. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/65469> (In Russ.)

9. Boulianne S., Theocharis Y. Young people, digital media, and engagement: A Meta-analysis of research. *Social Science Computer Review*. 2020; 38 (2): 111–127. DOI: 10.1177/0894439318814190

10. Albert M., Hurrelmann K., Leven I., et al. Der Nutzen des Begriffs Generation in Soziologie und Jugendforschung. *Kölner Zeitschrift für Soziologie Sozialpsychologie*. 2019; 71: 457–469. DOI: 10.1007/s11577-019-00635-5 (In German)

11. Ben A. L. Violence and youth studies in the 21st century. In: *Youth and Violent Performativities*. Singapore: Springer; 2020. p. 35–53. DOI: 10.1007/978-981-15-5542-8

12. Woodman D., Threadgold S. The future of the sociology of youth: Institutional, theoretical and methodological challenges. *Youth Studies Australia* [Internet]. 2011 (Sep) [cited 2021 June 03]; 30 (3): 8–12. Available from: https://www.researchgate.net/publication/256464643_The_Future_of_Youth_Sociology_Institutional_Theoretical_and_Methodological_Challenges

13. Teterskiy S. V., Rostovskaya T. K., Fomina S. N. *Teoriya i praktika ustoychivogo tsennostno-pozitivnogo razvitiya molodozhi = Theory and practice of sustainable value-positive development of youth* [Internet]. Moscow: Publishing House Perspektiva; 2016 [cited 2021 Feb 08]. 280 p. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26635039> (In Russ.)

14. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Modern sociology of youth: Changing reality and new theoretical approaches. Rossiya reformiruyushchayasya: ezhegodnik = Reforming Russia. Yearbook* [Internet]. Ed. by M. K. Gorshkov. Moscow: Publishing House Novyj Hronograf; 2017 [cited 2021 Feb 08]; (15): 12–48. Available from: <https://www.isras.ru/publ.html?id=5060> (In Russ.)

15. Bannikova L. N., Belova O. R., Boronina L. N., et al. *STUDENT 1995–2016 gg.: dinamika sotsiokul'turnoy razvitiya studenchestva Srednego Urala = STUDENT 1995–2016: Dynamics of socio-cultural development of students in the Middle Urals* [Internet]. Ekaterinburg: Ural Federal University; 2017 [cited 2021 Feb 08]. 904 p. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/54225> (In Russ.)

16. Zborovsky G.E., Ambarova P. A. *Sotsiologiya vysshego obrazovaniya = Sociology of higher education* [Internet]. Ekaterinburg: Liberal Arts University; 2019 [cited 2021 Feb 08]. 539 p. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/78152> (In Russ.)
17. Beyond Dead Reckoning: Research Priorities for Redirecting American Higher Education. Report of National Center for Postsecondary Improvement (October 2002) [Internet]. 2002 [cited 2021 June 03]. 28 p. Available from: http://web.stanford.edu/group/ncpi/documents/pdfs/beyond_dead_reckoning.pdf
18. Routledge Handbook of the Sociology of Higher Education. Ed. by J. E. Cote, A. Furlong. London; New York: Taylor and Francis Group; 2016. 414 p. DOI: 10.4324/9781315772233
19. Clark B. Development of the sociology of higher education. In: *Sociology of Higher Education: Contributions and their Context*. Ed. by P. J. Gumpert. Baltimore: The Johns Hopkins University Press; 2007. p. 147–183.
20. Rabossi M., Guaglianone A. Las políticas de internacionalización universitaria en la Argentina: movilidad estudiantil y producción científica. *Revista Ibero-Americana de Estudios em Educação*. 2020; Special Issue (15): 2556–2576. DOI: 10.21723/riaee.v15iesp4.14504 (In Spanish)
21. Traianou A. The Erosion of academic freedom in UK higher education. *Ethics in Science and Environmental Politics*. 2015; 15 (1): 39–47. DOI: 10.3354/esep00157
22. Bourdieu P. Homo academicus [Internet]. Stanford, California: Stanford University Press; 1988 [cited 2021 Mar 03]. 367 p. Available from: https://monoskop.org/images/4/4f/Pierre_Bourdieu_Homo_Academicus_1988.pdf
23. Vallet L.-A., Ichou M. Academic achievement, tracking decisions, and their relative contribution to educational inequalities: Change over four decades in France. In: M. Jackson (ed.). *Determined to succeed? Performance versus choice in educational attainment*. Stanford: Stanford University Press; 2013. p. 116–148. DOI: 10.11126/stanford/9780804783026.003.0005
24. Gorshkov M. K., Sheregi F. E. Young people in Russia and their life plans: Present and future [Internet]. In: *Handbook of the sociology of youth in BRICS countries*. World Scientific Publishing Co. Pte Ltd.; 2018 [cited 2020 Oct 12]. p. 861–880. Available from: <https://www.isras.ru/publ.html?id=5408>
25. Zborovsky G. E., Ambarova P. A., Katashinskikh V. S., et al. Nelineynaya model' rossiyskogo vysshego obrazovaniya v makroregione: teoreticheskaya kontseptsiya i prakticheskiye vozmozhnosti = Nonlinear model of Russian higher education in the macroregion: Theoretical concept and practical possibilities [Internet]. Ekaterinburg: Liberal Arts University; 2016 [cited 2020 Dec 18]. 336 p. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/43856> (In Russ.)
26. Stegny V. N., Kurbatova L. N. *Sotsial'nyy portret studenchestva v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva = Social portrait of students in the conditions of transformation of Russian society* [Internet]. 2nd ed. Perm: Perm National Research Polytechnic University; 2018 [cited 2021 Jan 23]. 384 p. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19669004> (In Russ.)
27. Zborovsky G. E., Shuklina E. A. Interaction between educational communities of the Russian metropolis: Management problems. *Voprosy upravleniya = Management Issues* [Internet]. 2017 [cited 2020 Dec 17]; 3 (46): 44–52. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32751807> (In Russ.)

28. Schemeleva I. I. Social activity of student youth: Factor and cluster analysis. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2019; 4: 133–141. DOI: 10.31857/S013216250004594-6 (In Russ.)
29. Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu., Didkovskaya Ya. V. Trends in higher vocational education: Professionalization or deprofessionalization? *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2018; 20 (1): 152–170. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-1-152-170 (In Russ.)
30. Zborovsky G. E., Melnichenko S. V. The concept of human capital of educational communities in a university. In: *Strategii razvitiya sotsial'nykh obshchnostey, institutov i territoriy = Strategies for the Development of Social Communities, Institutions and Territories. Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference* [Internet]; 2017 Apr 21–22; Ekaterinburg. Vol. 1. Ekaterinburg: Ural University; 2017 [cited 2020 Dec 12]; p. 215–219. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/55507> (In Russ.)
31. Vishnevsky Yu. R., Narkhov D. Yu. Paradoxes of modernization of higher education (results of 20-year monitoring of students in the Sverdlovsk region). *Vestnik RUDN. Seriya Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology*. 2019; 2: 289–301. DOI: 10.22363/2313-2272-2019-19-2-289-301 (In Russ.)
32. Noritsugu U. Society 5.0: The view of Mitsubishi Electric. *Ekonomicheskiye strategii = Economic Strategies* [Internet]. 2017 [cited 2020 Mar 03]; 4: 122–131. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29679937> (In Russ.)
33. Prensky M. Digital natives, digital immigrants. Part 1. *On the Horizon*. 2001; 9 (5): 1–6. DOI: 10.1108/10748120110424816
34. Stegnyy V. N., Ermakov M. A. Sociological analysis of students' perception of the information society. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskiye nauki = Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-Economic Sciences* [Internet]. 2016 [cited 2020 Dec 18]; 1: 8–16. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25664012> (In Russ.)
35. Zborovsky G. E. *Teoriya sotsial'noy obshchnosti = Theory of social community* [Internet]. Ekaterinburg: Liberal Arts University; 2009 [cited 2020 Nov 21]. 304 p. Available from: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19667671> (In Russ.)
36. Zagranichnyy A. I. Features of manifestation of social activity of youth in virtual and real environments. *Obshchestvo: sotsiologiya, psikhologiya, pedagogika = Society: Sociology, Psychology, Pedagogy*. 2019; 4 (60): 95–98. DOI: 10.24158/spp.2019.4.16 (In Russ.)
37. Andreev A. L. Face to face with the modern world. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies*. 2019; 2: 3–8. DOI: 10.31857/S013216250003995-7
38. Wangbei Ye. Students' citizenship competence learning in China's Yangzhong City. *British Journal of Educational Studies*. 2018; 67 (4): 513–539. DOI: 10.1080/00071005.2018.1453045
39. Newcomb M., Burton J., Edwards N. Student constructions of resilience: Understanding the role of childhood adversity. *Australian Social Work*. 2019; 72 (2): 166–178. DOI: 10.1080/0312407X.2018.1550521
40. Makransky G., Terkildsen T. S., Mayer R. E. Adding immersive virtual reality to a science lab simulation causes more presence but less learning. *Learning and Instruction*. 2019; 60: 225–236. DOI: 10.1016/j.learninstruc.2017.12.007
41. Herrero R., Mira A., Cormo G., et al. An Internet based intervention for improving resilience and coping strategies in university students: Study protocol for a randomized controlled trial. *Internet Interventions*. 2019; 16 (Apr): 43–51. DOI: 10.1016/j.invent.2018.03.005

42. Sobol-Kwapinska M., Przepiora A., Zimbardo F., Philip P. The structure of time perspective: Age-related differences in Poland. *Time & Society*. 2019; 28 (1): 5–32. DOI: 10.1177/0961463X16656851
43. Hardika E.-N. A., Raharjo K. M., Soraya D. U. Transformation the meaning of learning for millennial generation on digital era. *International Journal of Interactive Mobile Technologies*. 2020; 14 (12): 69–81. DOI: 10.3991/ijim.v14i12.15579
44. Zhang Zuocheng, Tan S., Wignell P., O'Halloran K. Addressing international students on Australian and Chinese university webpages: A comparative study. *Distance, Context & Media* [Internet]. 2020 Aug [cited 2021 June 23]; 36: 10403. Available from: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2211695820300362> DOI: 10.1016/j.dcm.2020.100403
45. Novikov P. Impact of COVID-19 emergency transition to on-line learning on international students' perceptions of educational process at Russian university. *Journal of Social Studies Education Research* [Internet]. 2020 [cited 2021 Mar 17]; 11 (3): 270–302. Available from: <https://jsser.org/index.php/jsser/article/view/2602>
46. Zborovsky G. E. Teoreticheskiye osnovaniya izucheniya sotsial'noy obshchnosti = Theoretical foundations of the study of social community. *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Studies* [Internet]. 2010 [cited 2020 Dec 25]; 4: 3–12. Available from: https://www.isras.ru/socis_2010_04.html (In Russ.)
47. Narkhov D. Yu., Narkhova E. N., Vishnevsky Yu. R. Resource potential of the community of faculty members in the modernization of the Russian higher education. In: *Proceedings of the 4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18)*; 2018 June 20–22; Valencia, Spain. p. 707–715. DOI: 10.4995/HEAd18.2018.8067
48. Knyazeva E. I. Network theory in modern sociology. *Sotsiologiya = Sociology* [Internet]. 2006 [cited 2020 Mar 03]; 2: 3–10. Available from: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/11256> (In Russ.)
49. Zagvyazinsky V. I. panorama of pedagogical research: Staging stage. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2014; 8 (117): 4–18. DOI: 10.17853/1994-5639-2014-8-4-18 (In Russ.)
50. Narkhova E. N., Radchenko T. E. Methods of forming self-identification of student youth. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury = Bulletin of the Ural Federal University. Series 1. Problems of Education, Science and Culture* [Internet]. 2012 [cited 2021 Feb 13]; 3 (104): 69–76. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/21082> (In Russ.)
51. Fihel Yu. O. Role of practical professional activity in the educational process of students of legal specialties. *Law and Safety* [Internet]. 2010 [cited 2021 June 10]; 2010 (4): 122–126. Available from: <http://heinonline.org/HOL/Page?handle=hein.journals/lwsfkvhv2010&div=204>
52. Luis M. I., de la Torre T., Huelmo J., et al. Active methodologies and teaching performance: A necessary relationship in the field of education. In: *4th International Conference on Higher Education Advances (HEAd'18)*; 2018 June 20–22; Valencia, Spain. p. 995–1001. DOI: 10.4995/HEAd18.2018.8134
53. Sanina E., Tan Nham Ngoc, Savadova A., Aleksanyan G., Batayeva Ya. Management of self-educational activity of students in the information educational environment of the university. In: *International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences & Arts SGEM*. 2018; Vol. 5: 473–478. DOI: 10.5593/sgem-social2018/3.4

54. Serafimovich I. V., Konkova O. M. Promotion of professionalization through forming the scientific-educational environment at the university. *Otkrytoe Obrazovanie = Open Education*. 2017; (2): 29–39. DOI: 10.21686/1818-4243-2017-2-29-39

55. Trostinskaya I. R., Evseeva L. I., Pozdeeva E. G., Tanova A. G. Sociological assessment of student activity potential as a subject of the educational process. In: *IOP Conference Series: Materials Science and Engineering, Vol. 940, International Scientific Conference "Digital Transformation on Manufacturing, Infrastructure and Service"*; 2019 Nov 21–22; Saint Petersburg, Russian Federation. DOI: 10.1088/1757-899X/940/1/012141

56. Zborovskiy G. E., Shuklina E. A., Ambarova P. A., et al. Upravleniye strategiyami povedeniya gorodskikh obshchnostey: problemy i vozmozhnosti = Management of strategies of behavior of urban communities: Problems and opportunities [Internet]. Ekaterinburg: Ural University; 2014 [cited 2021 Mar 18]. 200 p. Available from: <https://elar.urfu.ru/handle/10995/28072> (In Russ.)

Информация об авторах:

Нархов Дмитрий Юрьевич – кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-0104-7324, Researcher ID W-1675-2017; Екатеринбург, Россия. E-mail: d_narkhov@mail.ru

Нархова Елена Николаевна – кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0002-5168-7936; Екатеринбург, Россия. E-mail: e_narkhova@mail.ru

Шкурин Денис Вадимович – кандидат социологических наук, доцент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; ORCID 0000-0003-2367-4617, Researcher ID AАН-2485-2020; Екатеринбург, Россия. E-mail: vortexinform@gmail.com

Вклад соавторов:

Д. Ю. Нархов – концепция и общее руководство исследованием, разработка теоретического обоснования индикаторов, расчет выборки, систематизация и анализ эмпирических данных, оформление графики и текста.

Е. Н. Нархова – участие в теоретическом исследовании и обосновании исследовательского инструментария, анализе факторов образовательной активности.

Д. В. Шкурин – обоснование и контроль выборки, математическая обработка эмпирических материалов.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.02.2021; принята в печать 08.09.2021.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Dmitry Yu. Narkhov – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-0104-7324, Researcher ID W-1675-2017; Ekaterinburg, Russia. E-mail: d_narkhov@mail.ru

Elena N. Narkhova – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0002-5168-7936; Ekaterinburg, Russia. E-mail: e_narkhova@mail.ru

Denis V. Shkurin – Cand. Sci. (Sociology), Associate Professor, Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin; ORCID 0000-0003-2367-4617, Researcher ID AAH-2485-2020; Ekaterinburg, Russia. E-mail: vortexinform@gmail.com

Contribution of the authors:

D. Yu. Narkhov – concept and general management of the study, development of a theoretical basis for indicators, sample calculation, systematisation and analysis of empirical data, graphics and text design.

E. N. Narkhova – participation in theoretical research and substantiation of research tools, analysis of factors of educational activity.

D. V. Shkurin – justification and control of the sample, mathematical processing of empirical materials.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 09.02.2021; accepted for publication 08.09.2021.

The authors have read and approved the final manuscript.